

Дан Берг

Йони и Шош

Вместо предисловия

Сюжетом настоящей повести послужила история из Книги пророка Даниила, известная под названием “Сусанна и старцы”. События происходят в древней Вавилонии в период пленения иудеев царем Навуходоносором.

Согласно Библии, праведный юноша Даниил изобличил неких двух престарелых судей в клевете на молодую честную женщину Сусанну. Впоследствии мудрый Даниил стал пророком.

История Сусанны и старцев многократно обыгрывалась в различных видах искусства: в европейской, русской и арабской литературах, в музыке, в живописи. Писатели, композиторы и художники посвящали свои таланты нравоучительным, благородным, эстетическим и уродливым аспектам этого предания.

Автора привлекли характерные черты детективного жанра в рассказе о разоблачении старцев пророком Даниилом. Последний изображен в повести узнаваемым профессиональным сыщиком.

Имена упомянутых персонажей Ветхого завета и географические названия фонетически соответствуют первоисточнику на иврите. Добавлены вымышленные автором герои.

Мой дорогой друг, всё, что требуется Эркюлю Пуаро – это удобно расположиться в любимом кресле и хорошенько подумать.

Агата Кристи, “Немой свидетель”, глава 6, “Поездка в Литлгрин-хаус”.

Глава 1

Летнее солнце щедро шлет горячие лучи на землю благодатных долин, что раскинулись меж двумя великими реками. Жарко и людям, и зверям, и птицам, и рыбам, и пальмам, и траве, и садам, и воде. Изнывают от зноя, и потому неспешно текут реки Хидекель и Прат, да и время в тех краях движется медленно – из древнего прошлого неторопливо вступило оно в зыбкое настоящее, и, несомненно, продолжит ленивый свой путь к неведомому будущему.

Люди справляются со зноем лучше всех прочих творений Божьих. Куролесящим в душах неугомонным страстям нет никакого дела до погоды.

Было так, что славный монарх и знаменитый завоеватель Навуходоносор покарал взбунтовавшихся жестоковейных жителей Иудейского царства, переселив их в свою страну меж Хидекелем и Пратом. Очутившись на новом месте, беспокойное племя пришельцев не отступилось от заведенной на родине бурливости жизни. Вот и вера-то у иудеев особенная, не языческая, и устои своеобычные, да и представления о праведности и греховности не всем понятные. Много благоденствий привнесли иноплеменники в страну Вавилонию. Однако и преступлениями не преминули они отметить жизнь на чужбине. Как видно, есть мир у огня с водою!

Последнее обстоятельство входило в сферу интересов Даниэля, знатока Торы и почитаемого иудейской общиной дознавателя. Когда случалось среди израильтян некое сомнительное деяние, каковое подозревалось в беззаконии или постыдном нарушении заповедей Господа, главы

общины немедленно призывали на помощь Даниэля. Его умение расположить к себе людей, проникая в глубины душевного склада правых и виноватых, острая интуиция и безупречная логика – вот достоинства, ведшие его от успеха к успеху в самых сложных расследованиях.

Отец Даниэля, мир праху его, слыл человеком богобоязненным и сына воспитал в духе преклонения пред Законом. Отрок тянулся к знаниям, запоминал истины, примерял их на себя и готовился судить других. Когда повзрослел, узнал жизнь, научился угадывать темное и светлое в сердцах, тогда и открылся его талант дознавателя.

Даниэль человек зажиточный. От отца достался ему дом с садом в предместье города Ниппур, где и происходили события, описанные в настоящей повести. Он счастливо женился и породил троих ребятшек. Авишаг, супруга Даниэля, преданно любила его, но, к огорчению своему, не избалована была вниманием мужа, ибо последний если не занимался дознанием, то поспешал в дом учения, дабы освежить духовный багаж в беседе с пророками.

В свете этого может показаться странным, что нет-нет, да и посещала его голову мысль взять в дом вторую жену, моложе первой, но всякий раз вмешивались опасения: а не откроются ли неизвестные донине неприятные черты характера у миролюбивой Авишаг?

А так ли уж странна была мерцавшая в сердце Даниэля мысль о второй жене? Он далеко не беден, ему тридцать пять лет, расцвет зрелости, и наделенный фантазией муж законно стремился к эмоциональной новизне. Отцовское наследие Даниэль преумножил, получая прекрасные вознаграждения от богачей, заинтересованных в справедливом расследовании вины и безвинности.

Дом Даниэля вырос на этаж. Стены в палатах хозяин выстлал ценным деревом – какие красным, а какие кедром, финикийскими купцами доставленным в Вавилонию. Пол мраморный, мозаичный. Масляные светильники из меди, столы и лавки добротные, дубовые. Авишаг заботилась о цветах. По указанию госпожи служанка ежедневно обновляла их, срезая в саду розы, ирисы, астры, нарциссы. Благоуханные гирлянды чудно украшали комнаты.

Один из покоев нижнего этажа отличался особой красотой. Комната сия была самой значительной в доме. В центре её стоял стол резного дерева. К нему примыкал высокий стул с плоскими подушками, прикрепленными к сиденью и спинке. К стене примыкал обтянутый кожей топчан. Маленькое окно глядело в сад. В углу высился шкаф, а в нем помещались глиняные таблички с важными записями разных родов. Через тяжелую бревенчатую дверь не проникал шум вовнутрь. Все ценное в мире наполнено тишиною. Здесь, в спокойствии и безмолвии, Даниэль обдумывал планы расследований, вопросы и ответы, маневры и уловки.

Имелся у хозяина собственный выезд – прекрасная двухосная колесница, запрягаемая парой коренастых лошадей. Разъезжали на ней втроем – Даниэль с женою и возница. Авишаг обожала эти прогулки по городу, особенно, когда, получив от щедрого мужа какой-либо подарок – платье, туфли, серьги и прочее – она могла покрасоваться на людях, показать обнову.

Из разумной предосторожности власти Вавилонии не позволяли иудеям владеть средствами войны, поэтому привезенная из Египта упомянутая колесница была сработана, выражаясь современным языком, в специальном гражданском исполнении.

Приобретать добротные и красивые вещи, привозимые купцами из дальних стран, Даниэлю и другим состоятельным членам общины помогал комиссионер Йонатан. Его ценили за отличное знание товаров, за умелое сбережение их, за тонкое понимание надобностей покупателей, и, главное, за безусловную честность. А поскольку Йонатан был человеком молодым,

непритязательным в обращении и с легким характером, люди без церемоний называли его просто Йони. О нем речь впереди.

***

Рано утром, вернувшись из молитвенного дома, Даниэль расположился в садовой беседке, что притаилась в тени деревьев напротив окна его рабочей комнаты. Дневной зной еще не вступил в свои права, боролся с ночной прохладой. Даниэль ожидал появления дорогого гостя.

Вдали заскрипели ворота, послышался легкий стук ослиных копыт.

Подъехал молодой и видный из себя парень. Слез с ослика, привязал его к столбу беседки. Даниэль встал навстречу. Обрадованные, хозяин и гость обнялись. Имя визитера Акива, он племянник Даниэля, сын его безвременного умершего старшего брата. Юноша изъездил страну вдоль и поперек, побывал в столичном Вавилоне и в других примечательных местах великой империи. Он наперед знал, что по нутру придется любознательному дядюшке байки путешественника.

- Счастливого возвращения, Акива! – воскликнул Даниэль.

- Я соскучился по тебе, дядюшка! – промолвил Акива.

- Садись. Вот вода чистейшая из нашего ручья, освежись! В поварне Авишаг с кухаркой знатный завтрак дорогому гостю готовят – скоро позовут нас!

- Не откажусь, Даниэль!

- Вчера прибыл? Отдохнул от дальнего пути?

- Слава Богу!

- Давай-ка рассказывай, Акива. Где бывал, на что рот разевал, а чему не дивился?

- Много мест увидел, насмотрелся чудес, чему дивился – помню, а что не в диковину – сразу забылось.

- Говори, племянник, слушаю я.

- Поля обширные у вавилонян, урожаи богатые, земля плодородная.

- Что произрастает на нивах?

- А всё, что мы с тобой тут едим – баклажаны и тыква, чечевица и горох, виноград и груши, яблоки и инжир, лук и чеснок, пальмы финиковые разных родов – всего не перечислить!

- Земля-то у них жирная, да дождей мало. Откуда урожаям быть, Акива?

- Они, дядюшка, каналов, плотин, прудов понастроили, дождевую воду накапливают, да еще и из рек отводят.

- И у нас в Иудее окна небесные тоже скупо отворяются. Как вернемся из плена – по примеру вавилонян станем каналы строить.

- А еще, Даниэль, они знают разные целебные травы и корни, и люди состоятельных врачуют, и часто знахари преуспевают в своем мастерстве.

- Ну, этим нас не удивишь! И наши лекари не хуже. Мы, иудеи, умеем беречь своих богатых да ученых.

- Звездочеты у них усердно в ночное небо глядят, и все вычисляют что-то. Они наперед знают, какая звезда, в какую ночь, с какого места небосвода засияет. Они заранее тебе скажут, когда луна закроет солнце.

- Это ценно весьма. Для исправления календаря пригодиться может. А вот скажи-ка мне, Акива, наши-то не забыли Бога? Корпят над Торой?

- Еще как корпят, дядюшка! В больших городах дома учения выстроили, внемлют речам пророков. А власти не препятствуют, терпят чужую веру.

- Ясное дело – язычникам еще один бог не помеха!

- Ступила нога моя и в столичный Вавилон. Город прекрасный, город счастливый!

- Понастроили. Рабов у них много!

- Вавилон велик, как и не снилось нам. Улицы прямые, не заблудишься. На площадях кипит торговля. Столица оберегается могучей стеной, высокой и широкой, а в воротах прочные запоры. Часовые по верху стены взад-вперед ходят, стерегут город.

- Вавилонянам нужна охрана, ибо есть кого опасаться. Навуходоносор много стран покорил, теперь настало время страха.

- Может, ты и прав, Даниэль. Разглядывал я храмы, обители языческих богов. На стенах нарисованы, вырезаны и раскрашены в разные цвета всевозможные дикие звери и небывалые чудовища. Ярко, глаз слепит.

- А Вавилонскую башню видал, Акива?

- Конечно, дядюшка! Постройка необычайная, высотой до самого неба! Люди тамошние полагают, что в башне этой живет главный бог по имени Мардук. Внизу стоит золотая статуя Мардука.

- Надеюсь, племянник, восторги твои не склонили тебя к идолопоклонничеству?

- Ну что ты, дядюшка!

- Шучу, шучу! Ты и царский дворец созерцал?

- О, да! Их два у Навуходоносора – зимний и летний. Какое великолепие! В летнем дворце я прогулялся по террасам висячих садов. Воистину, чудо света!

- Я и прежде слышал о висячих садах, да думал выдумка это. Сдается мне, что царство тутошнее только кажется могучим, а на самом деле оно вскорости упадет снопом, как огромный истукан на глиняных ногах, рухнет под тяжестью тела, отлитого из золота и серебра! Однако посмотрим, что родит день.

- Мужчины, пожалуйста завтракать! – раздался голос Авишаг, - козленок сварился, дымится в миске, ждет едоков!

- Пойдем, Акива, нас зовут, после трапезы расскажешь подробно про дворцы и храмы, - сказал Даниэль и, вставая, явил пример послушания.

За завтраком Даниэль сетовал, что давно уж не случалось стоящего преступления для расследования – так, мелочи всё. Однако, по его словам, было ему вчера видение, будто вскоре ждет его настоящее важное дознание. Авишаг приуныла – опять муж будет денно и ночью пропадать по делам. Зато Акива порадовался за старшего.

Даниэль заявил племяннику, что хочет обучить его сыскному делу. Акива обрадовался: “Вот как сбудется твое видение, дядюшка, я тотчас начну работать с тобою. Обещаю стать прилежнейшим учеником!”

Глава 2

Даниэль возлежал на обтянутом кожей топчане в своей рабочей комнате и неторопливо размышлял о причинах довлевшей над ним неудовлетворенности последними дознаниями. Опасаясь задремать среди бела дня, он встал и принялся расхаживать от шкафа к противоположной стене и обратно. Потом уселся на мягкий стул, кисти рук положил перед собой на стол и глубоко задумался. Он знал из опыта, что эта поза самая продуктивная, и ответ, скорее всего, будет найден.

Разбирая особенности своего душевного строя, он пришел к заключению, что истинное удовлетворение приходит к нему вовсе не от любого успешного расследования. “Дело должно быть сложным и запутанным, - рассуждал Даниэль, - преступники хитрыми и изощренными, а невиновные замараны побочными грязными делишками. Раскрытие такого рода беззаконий требует наивысшего напряжения мысли, и тогда вместе с успехом является ощущение умственного перевеса над прочими, и оно-то как раз и утоляет жажду довольства самим собою – величайшего из богатств!”

“Добротные преступления совершаются людьми благородного звания, образованными, умело лицемерными, мастерски праведными. Иными словами, только принадлежащие к сливкам общества преступатели закона несут утешение и отраду в душу искусного дознавателя”.

Как на грех, герои последних расследований Даниэля происходили из простонародья – крестьяне да ремесленники. Кто убил, кто украл, кто чужую жену совратил. Люди эти на хитрости не горазды. Когда сами сознаются, когда проговорятся, а когда и следы замести не сумеют.

В дни творческого застоя на ниве сыска посещали Даниэля мысли оставить неверное это дело и углубиться в изучение Торы. “Почему бы не начать пророчествовать, как некоторые другие? – думал Даниэль, - и пусть поначалу будут праздно удивляться, мол, неужели и Даниэль во пророках? Разумеется, риск ошибочного предсказания достаточно велик, зато заблуждение выясняется не тотчас, а то и вовсе после кончины прорицателя. К тому же мерой истинности ученой речи служат, порой, не факты, а их умелые толкования, приложенные к моменту. Признанное верным пророчество – путь к вечной посмертной славе, а открывшаяся ошибка дознания – прижизненный скандал”.

“Неужели высказанное мною накануне племяннику Акиве предречение о неизбежной гибели Вавилонии не может притязать на пророческую вескость? А разве уподобление царства

Навуходоносора огромному истукану на глиняных ногах не есть ловкое сравнение? Не боюсь ошибиться, ибо у всех империй одна судьба – рухнут рано или поздно!”

Однако удача сопутствует не малодушным. В конечном счете, практический ум сыщика оттеснял умозрительные размышления, и к Даниэлю возвращалась уверенность, что еще приплывут к нему в руки значительные дела, достойные его мастерства. Не напрасно же было ему доброе видение!

***

Сложилась традиция в городе - на исходе субботы сановитые лица местной общины собирались в доме Иоакима. Неделя позади, неделя впереди – в такой вечер есть что обсудить людям ученым и твердо стоящим на ногах. Завистники прошипят, мол, сплетничают баловни судьбы, но пуста и ничего не скажет нам злословная речь.

Иоаким – человек небедный, а также влиятельный в самом высоком и благородном смысле слова. Говорят, Навуходоносор привез в Вавилонию родителя Иоакима, тогдашнего царя Иудеи, закованным в кандалы, а потом, цenia мудрость полоненного, приблизил к себе, дабы тот помогал ему в решении дел иудейских переселенцев. Поскольку государственная мудрость передается по наследству, то Иоаким, повзрослев, сделался, как и отец его, советником вавилонского владыки. Подавая монарху советы, Иоаким непременно и неприметно брал в расчет интерес своего племени.

Далее по ходу событий повести нас будет интересовать не столько Иоаким, сколько его юная супруга Шошана. Имя сие означает “лилия”. Иудейские матери порой называли так своих новорожденных дочерей в надежде, что дитя, превратившись в девушку, сравняется красотой с восхитительным цветком.

Кто-то высказал догадку, будто названия вещей выражают их природу. Случай с нашей Шошаной свидетельствует в пользу того зыбкого мнения, что имена младенцев (как и любых иных творений Господа) предопределяют их будущие черты. Шошана была очаровательным ребенком, и с годами расцвела как прекрасная лилия. Мать с отцом, да и близкие друзья семейства, нежно звали девочку “Шош”.

Возвращаясь из торговых вояжей, Хилкия, отец Шош, баловал дочку дорогими подарками. Купец этот был невероятно богат. Принадлежавшие ему караваны верблюдов везли товары из Египта в Вавилонию и обратно. Коммерция обогащала его и там и там.

Хилкия сам укладывал девочку спать и рассказывал ей были и небылицы о дивной стране на Ниле. И Шош с малых лет мечтала попасть в волшебный край, а как стала постарше, мнился ей молодой пригожий принц, сын самого фараона, что полюбит ее и заберет в свое царство.

Когда девице исполнилось семнадцать лет, отец нашел ей жениха. Иоаким – не молодой пригожий принц и не сын фараона, как мечталось Шош. Однако Хилкия убедил дочку, что его избранник – прекрасная партия для нее, ибо влияние царского советника обещало стать весьма полезным для всего иудейского купеческого клана.

Иоаким был немного старше Шош и равен годами тестю. Счастливым молодожен полагал, что год в браке есть срок немалый, и каждый день надеялся услышать от юной супруги радостную весть, на ушко ему произнесенную, однако этого пока не случилось. В мечтах своих Шош по-прежнему видела себя египетской царевной – богатой, счастливой, наряженной в убранную драгоценными камнями тунику.

Хилкия всегда уважал Иоакима, а как породнился с ним, стал своим человеком в семье зятя. На исходе субботы они дружно шествовали под руку после молитвы, направляясь в гостеприимный дом царского советника.

Жена Хилкии, то бишь мать Шош, не бывала с мужем в обществе. Сей факт вовсе не означал супружескую размолвку. Женщины почти не появлялись на собраниях мужчин, и это, надо признать, совершенно справедливое настояние мудрецов. Строгая вера иудеев трепетно берегла праведность своих адептов. Ведь созерцание чужой жены, или даже беглый взгляд в ее сторону, могли стать несправедливо тяжелым испытанием благочестия и родить грешные мысли в доселе беспорочной мужской голове.

В доме Иоакима исключение делалось только для Шош. Она, тщательно спрятав волосы под платком, закутанная с ног до головы в шаль – и только маленькая щелка для глаз освежала лицо – появлялась на минуту с подносом, обносила всех виноградом и снова исчезала. Иоакима не радовало появление молодой супруги на людях, но он уступал настоянию Хилкии, ужасно гордившимся дочерью.

Знакомый уже нам Йони, молодой и неженатый пока комиссионер, столь же способный в делах, сколь и богобоязненный в сердце, также являлся обязательным визитером в доме Иоакима. У Йони было много общих с купцом Хилкией предметов для разговора. Вместе с тем обсуждаемые двумя коммерсантами темы интересовали и прочих присутствующих, ибо все они отлично понимали исключительную важность вещественных благ. Мимоходом заметим, что холостой статус Йони вызывал в головах гостей очень легкую и при этом совершенно необъяснимую ажитацию с едва уловимым привкусом игривости.

Еще два важных человека имели обыкновение посещать субботними вечерами собрания у Иоакима. То были немолодые годами судьи Тевель и Юваль. Почетные судебские должности они занимали по праву своих глубоких знаний Закона и благодаря многолетней безупречной репутации среди членов общины. Седина в их бородах свидетельствовала о мудрости, а не о дряхлости. Тевель и Юваль любили рассказывать байки о своих малолетних внуках, иной раз даже приводили их с собой, и собравшиеся умилялись развитым детишкам и снисходительно играли с мальцами.

Разумеется, Даниэль тоже постоянно бывал в доме Иоакима. Он охотно обсуждал с Тевелем и Ювалем всевозможные судебные дела, впитывал их опыт и мудрость, а те, в свою очередь, время от времени снабжали его делами на предмет расследования.

***

- Рассаживайтесь, друзья, на этот новый ковер, расстеленный на полу! – произнес Иоаким, широким жестом сопровождая приглашение.

- Ковер действительно замечательный, я причастен к его приобретению, - скромно заметил Йони.

- Спасибо тебе, Йони, а главная моя признательность тестю – ведь это его подарок! – воскликнул Иоаким.

- Ах, пустяки, не стоит благодарности, - сказал Хилкия.

- Почему я не вижу Тевеля и Юваля? – поинтересовался Иоаким.

- Судьи просили меня передать, что они придут позже, - ответил Даниэль, - у них возникло не терпящее отлагательства дело, которое они должны начать не позднее сегодняшнего вечера.

- Ты привел нам нового гостя, Даниэль? – спросил Иоаким, указывая кивком головы на Акиву и улыбаясь ему.

- Да, - это мой племянник Акива, - воскликнул Даниэль, - умнейший парень, и ему есть, что нам рассказать.

- Мы знаем его с молодых ногтей, мальчик рос на наших глазах, и Акива тоже, конечно, всех нас помнит, - заметил Хилкия, - мы глубоко скорбим о безвременно ушедшем его отце, мир праху покойного.

- Аминь, - произнес Акива и благодарно поклонился.

- Акива, ты, кажется, вернулся из путешествия по Вавилонии, и мы рады были бы послушать твои истории, - сказал Йони.

- Я не мастер красиво говорить, - воскликнул Акива, - но постараюсь утолить жажду любознательности достойных мужей, восседающих на этом чудном ковре, каковые видал я только в царском дворце!

- Я помню, Акива, мудрецы хвалили тебя, как одного из лучших учеников, - вставил Хилкия, - отроком ты был боек и красноречив.

- Акива не утратил, но напротив, развил свои достоинства, и скоро он всех убедит в этом! – ответил дядя за племянника.

- Дорогой Акива, прежде чем ты начнешь рассказ о путешествии, я задам тебе один вопрос, - воскликнул Йони, - ведь ты даже меня моложе, ты – юноша, и, вероятно, обдумываешь жизнь... Какая профессия нравится тебе?

- Согласен, Йони, - ответил Акива, - мысли о будущем теснятся в моей голове, мне предстоит сделать выбор, но к окончательному решению я пока не пришел.

- Я хочу, чтобы Акива выучился у меня искусству сыска, - заявил Даниэль, - будет мне добрая смена!

- Иудеи нашей общины частенько нарушают закон, но, боюсь, на двоих дознавателей преступлений не достанет! – заметил Иоаким, - если племянник сменит тебя, то сам ты куда пойдешь, Даниэль?

- Коли захочет Всевышний – стану пророком! – в тон полушутливо ответил Даниэль.

- Замечательно! – воскликнул Хилкия, - пожелаем успехов и дяде и племяннику!

- Великолепно! – поддержал Йони, - а ты, Акива, делай жизнь с дядюшки – вот мой совет!

Потом собравшиеся слушали рассказ о путешествии. Вопросам не было конца, но Акива успевал отвечать всем. Даниэль привычно, пристально и незаметно следил за публикой – кто знает, вдруг пригодится! По совету дяди племянник делал то же самое, хоть это и нелегко – говорить и наблюдать одновременно.

Хилкия стал обнаруживать некоторое беспокойство. “Я слышал, Иоаким, - промолвил тесть, обращаясь к зятю, - у тебя в нынешнем году уродился отличный виноград!” Догадливый Иоаким подозвал слугу и шепнул ему что-то. Слуга удалился, и вместо него появилась Шош в скромнейшем наряде. Она несла перед собой блюдо с красным виноградом, обошла всех гостей и с поклоном предложила каждому гроздь. По окончании этой краткой процедуры Шош исчезла на женской половине дома. Хилкия просиял.

- Где же наши судьи? – спросил Иоаким, обращаясь к Даниэлю.

- Да я и сам недоумеваю, - ответил Даниэль.

- Мы уже прибыли, мы тут! – хором воскликнули Тевель и Юваль, входя в комнату.

- Усаживайтесь на новый ковер, почтенные, - пригласил Иоаким.

- Благодарствую, - ответил Тевель, а на лице его читалось волнение.

- Спасибо, - добавил Юваль, тщетно стараясь не выдать беспокойства.

- Жаль, что вы не слышали захватывающий рассказ Акивы о Вавилонии, - заметил Йони, сверля глазами новых гостей.

- У нас у самих имеется нечто захватывающее, - вновь хором произнесли Тевель и Юваль.

- Что же? – встрепенулся Даниэль.

- До сих пор не можем прийти в себя! – воскликнул Тевель.

- Разнесется по всему свету история! – добавил Юваль.

- Говорите же! Чина, звания не щадите – Закон превыше всего! Вам ли, судьям, не знать? – вскричал Даниэль.

- Закон один! Всем нам известная Шошана, супруга Иоакима и дочь Хилкии, замечена в совершении прелюбодеяния! – воскликнули трепещущие Тевель и Юваль и поспешили удалиться.

- Ложь! – взревел Иоаким.

- Не может быть! – возопил Хилкия.

- Это ошибка! – вскричал Йони.

- Муж и отец! Позвольте нам с Акивой расследовать дело. Всех призываю к благоразумному терпению, прошу отказаться от поспешных суждений и не поддаваться исступлению чувств. Главное для нас найти истину, не так ли? - воскликнул Даниэль.

- Я доверяю тебе, Даниэль! – с надеждой проговорил Иоаким.

- Я – тоже! – поддержал Хилкия.

Новость была столь же неожиданна, сколь и горька. Гости разошлись по домам. “Сбылось твое видение, Даниэль!” – заметил Акива дядюшке.

Глава 3

На следующий день после сенсационного обвинения Шош – благородной мужней жены – ни свет ни заря в дом Даниэля постучался Иоаким. Привратник, ворча, отправился будить хозяина. Заспанный Даниэль вышел к гостю. На бледном лице раннего визитера слишком явно виднелись следы мучительной, проведенной без сна ночи. Глаза покраснели, руки тряслись, голос дрожал – жалкий вид человека, сраженного неожиданной-негаданной бедой.

- Проходи в дом, Иоаким, - сухо пригласил Даниэль.

- Благодарствую, - пролепетал Иоаким и уселся на лавку в сенях.

- Надеюсь, ты понимаешь, Иоаким, что, покуда я веду расследование, наши с тобой отношения приобретают официальный статус?

- О, разумеется, дружище... то есть, я хотел сказать, почтенный дознаватель!

- Не надо впадать в крайности, будем называть друг друга просто по имени.

- Да, да, ты прав, Даниэль. Ты, без сомнения, сознаешь, как важен для меня результат расследования!

- Для меня важна единственная вещь – это истина! И к этой цели, и только к ней, я намерен идти неуклонно и упорно.

- Даниэль, голубчик... вернее, просто Даниэль, ты не можешь не понимать, что жена царского советника должна быть выше подозрений!

- Желаемое не должно обращаться в действительность, коли готово расплачиваться правдой!

- Ты мыслишь уместными понятиями, Даниэль. Твое желание встать на стезю пророка станет действительностью не без нашего с Хилкией благоприятствования!

- Иоаким! Я не слышал твоих последних слов, да и ты их и не произносил, согласен? А теперь, прошу и советую, следуй домой навестывать упущенный сон. Помни: от страдания бессонницей до наложения на себя рук, Боже сохрани, – один шаг!

Вразумив страдающего мужа подозреваемой и выпроводив его, Даниэль прошел в рабочую комнату, уселся за стол, принял упомянутую выше продуктивную позу и приготовился к началу размышлений о новом деле.

В ожидании прихода племянника Даниэль вспомнил любопытное обстоятельство вчерашнего вечера. Он вернулся домой сразу же после драматического финала проводов субботы у Иоакима. На пороге его встретила Авишаг и с тревогой спросила, неужели это правда, что Шош неверна супругу? Он успокоил жену, мол, ничего пока не ясно, и требуется тщательное расследование. Заодно поинтересовался, от кого ей стало известно обвинительное заявление судей, ведь никто из гостей не покинул дом раньше него самого, так каким же образом весть разнеслась по свету? Авишаг ответила кратко и загадочно: “Говорят!”

Рациональный ум дознавателя не жаловал мистику, однако поневоле Даниэлю пришлось признать, что слухи распространяются с быстротой, необъяснимой с точки зрения здравого

смысла. Даниэль держался того строго правила, что факт может быть непонятен, но ни в коем случае не отвергнут.

Рассуждая далее, Даниэль констатировал, что быстрота распространения слухов есть величина огромная, человеческим умом непостижимая, которую, вероятно, нельзя превзойти. В этом пункте размышлений ему оставался один шаг до построения пророческой гипотезы всеобщего характера, а именно: в мире возможно существование некой предельной быстроты. И Даниэль сделал этот шаг.

По прошествии многих веков, один мудрец, тоже дознаватель, но, в отличие от Даниэля, расследовавший загадки не людьми загаданные, но взятые им из области неживой природы, с блестящим успехом применил в своем учении предположение древнего предтечи о возможности предельной быстроты. Умозрительная гипотеза нужна и важна не менее чем показания опыта.

***

Появился Акива. Наспех позавтракав, учитель и ученик уединились в саду и принялись обсуждать подступы к предстоящему дознанию. Даниэль казался степенным и бывалым, говорил поучительно и веско. Акива, напротив, был горяч, ретив и выражал нетерпение поскорее доказать свою полезность и пригодность для нового дела.

- Всечасное наблюдение за образом действий людей вокруг себя должно стать привычным состоянием всякого дознавателя, ибо даже незначительная деталь, увиденная им, может стать ключом к разгадке преступления, - повторил Даниэль высказанную накануне сентенцию.

- Я усвоил это правило, дядюшка, следовал ему и, кажется, кое-что заметил! – с радостью воскликнул Акива.

- Сейчас мы поделимся друг с другом нашими наблюдениями за перипетиями вчерашнего вечера, а затем наметим план ближайших действий. Их результаты подскажут нам, какими должны быть наши последующие шаги. Если чутье не обманывает меня, нас ожидает сложное и интересное расследование.

- Полагаюсь на твой огромный опыт, дядюшка.

- Итак, Акива, твое слово – первое.

- Я зорко глядел вокруг себя на протяжении всего вечера и удвоил бдительность, когда появилась Шош.

- Узрел что-нибудь интересное?

- Я не берусь утверждать определенно, но мне показалось, что, стремительно обнося всех нас блюдом с виноградом, она, на какое-то мгновение, задержалась около Йони и уронила нечто, похожее на глиняную табличку с надписью.

- Замечательно! Я тоже обратил внимание на это обстоятельство. Краем ока я увидел, как маленький предмет, действительно напоминающий глиняную табличку, выскользнул из рукава Шош и упал возле скрещенных ног сидящего на ковре Йони. И если глаза не обманули меня, то это случилось как раз в тот момент, когда она своими нежными пальчиками перекладывала красную гроздь в его миску.

- Увлеченный рассказом, я не обратил внимания, что произошло в следующее мгновение. Йони немедленно поднял вещицу и вернул ее Шош?
- Ничего подобного, племянник! Йони и ухом не повел, словно ничего не заметил. Зато позднее, когда публика с восторгом внимала твоему рассказу об одном из царских дворцов, он неприметным движением ноги пододвинул к себе оброненный предмет и рукой переправил его в карман своего нарядного халата.
- По-моему, это очень серьезно, дядюшка! И имеются необходимые для праведного суда два свидетеля – ты и я!
- Дорогой Акива, истинным дознавателям не пристало делать поспешные заключения. Взглянем на дело объективно. Во-первых, мы не можем поручиться за достоверность нашего свидетельства, ибо масляная лампа на потолке не давала достаточно света, и посему глаза, затуманенные профессиональным подозрением всех и вся, могли обмануться. И, во-вторых, если и существовал предмет, перекочевавший из рукава Шош в карман Йони, то причина сего может быть самая невинная. Вывод: требуется проверка обстоятельств. Необходимо опросить каждого.
- Выходит, мы должны подозревать и расследовать людей достойных, с незапятнанной репутацией?
- Запомни, Акива, с того момента, как дознаватель начал расследование, он обязан изгнать из головы лицепрятие любого рода, и должен подозревать всех без исключения, куда не найден истинный виновник.
- Даниэль, на вечере у Иоакима я ничего более не заметил достойного внимания.
- Зато я заметил! По твоим словам, Акива, ты удвоил бдительность с появлением Шош. И это правда! Глаза твои загорелись, речь замедлилась, и каждое движение молодой женщины ты провожал жадным взором. Да и Шош метнула в твою сторону мгновенный взгляд.
- То было всего лишь желание добросовестно выполнять твои наставления, дядя.
- Допустим.
- Сегодня утром, по дороге к тебе, я обратил внимание, что какой-то крестьянин, а с ним некто, по-видимому, благородного звания, едут в направлении леса в повозке, запряженной мулом. Затем тот, который знатный, спустился на землю, что-то сказал вознице и удалился. А простолюдин въехал в лес.
- Интересно. Час был слишком ранний, неурочный для поездок по мужицким или барским делам. Да и что там делать, в лесу? Ты запомнил лица?
- Нет. Люди находились от меня слишком далеко.
- А место на дороге, с которого повозка свернула в лес, заметил?
- Конечно! Там как раз дерево виднелось обгорелое, должно быть, молнией поваленное.
- Это нам может пригодиться в дальнейшем. Вот тебе задание: разыщи возницу или его знакомцев, выясни, кому принадлежит повозка, кто есть благородный господин, поброди по лесу и постарайся найти место, к которому направлялся крестьянин.

- Такое обстоятельство может относиться к нашему случаю, дядюшка?

- Возможно, и нет. Однако мы находимся с тобой в самом начале расследования и поэтому обязаны обращать внимание на любые факты, выходящие за рамки обыденных.

- Сделаю по твоему слову. Понаблюдаю за дорогой. Может, снова увижу тех людей и ту повозку.

- Отлично, Акива, принимайся за работу. А я приступлю к расспросам почтенных участников нашего общего с ними дела.

Глава 4

Разговор с Даниэлем и первое задание наставника возбудили воображение Акивы. Питомец оказался весьма честолюбив. “Если Даниэль лелеет мечту стать пророком, а меня метит себе на смену, - рассуждал Акива, - то мой выбор прост и ясен – отличиться при первом же расследовании. Я докажу себе, Даниэлю и всему нашему окружению, что я талантлив и по праву претендую на место дознавателя в общине! Своим успехом, кстати, я и дядюшке удружу: ведь воспитать достойного ученика – прекрасная рекомендация для будущего пророка!”

Не колеблясь брать на себя ответственность – знак благородства. Поэтому Даниэль намеревался самолично опрашивать подозреваемых, ибо это есть самая сложная и деликатная часть расследования. Он считал преждевременным делиться с дебютантом Акивой всеми подробностями созревающих в голове планов, а также обнаруживать перед учеником тонкие извивы собственных мыслей.

“Буду жадно впитывать опыт ветерана, но при этом непременно изобрету что-либо свое, - решил для себя Акива, - чем я хуже учителя? Удивлю его новинкой! Если и возникнет зависть в сердце дядюшки, он упрячет ее вовнутрь, набросит покров, никому не откроет, ибо я нужен ему!” Таким образом, молодой Акива, подобно учителю, тоже выстроил себе нишу личной суверенности.

***

Проходя мимо домов ближайшей деревни, Акива разглядел через щели в ограде одного из дворов знакомую повозку. Рядом стоял распряженный мул и жевал свою порцию. Потом показался тот самый возница, который, солидно восседая на облучке, не далее как несколько часов назад вернулся из леса. Крестьянин хлопотал по своим делам и не обратил внимания на наблюдателя за частоколом.

Поначалу Акива хотел постучать в ворота, познакомиться с хозяином и, как бы невзначай, задать простолюдину важные вопросы. Однако благоразумие удержало новичка от воплощения сего незрелого порыва. “Я неопытен в расспросах, - подумал Акива, - уроню неосторожное слово и возбужу подозрения – так все дело можно испортить. Лучше пригляжу пока за дорогой. Возницу я уже отыскал – это мой первый актив!”

Найдя укромное место, Акива превратил его в наблюдательный пункт и на следующее утро стал зорко следить за местом, на котором накануне узрел запряженную мулом повозку, крестьянина и благородного господина. Картина почти повторилась. Только на сей раз барин не удалился, а стал дожидаться, пока повозка отъедет достаточно далеко, а затем направил стопы свои в лес.

Акива решительно последовал за подопечным. Человек шел осторожно, часто озирался, но преследователя своего не замечал, ибо тот был не менее бдителен и держался на значительном расстоянии, лишь бы не потерять из виду фигуру впереди.

Незнакомец подошел к склону холма. Остановился. Еще раз оглянулся по сторонам. Отодвинул ветки высокого кустарника. Сделал шаг вперед и исчез. “Должно быть, там вход в пещеру, - догадался Акива, - никуда он, голубчик, от меня не денется!” Пока субъект надзора находился в пещере, преследователь подобрался совсем близко к ее входу, лег на землю, схоронился за густой листвой и принялся ждать. “Я и в безопасности опаслив!” – одобрительно подумал о себе Акива.

Лазутчик не долго томился. Вскоре человек вышел из пещеры, замер, прислушался, потянул носом воздух и, не подозревая, что пара зорких глаз наблюдает за всяким его движением, направился к выходу из леса той же дорогой что и пришел. И тут, находясь совсем рядом, Акива разглядел незнакомца – то был Йони.

***

- Я сделал замечательное открытие, дядюшка! – на радостях забыв о приветствии, ликующе прокричал Акива, влетая в рабочую комнату Даниэля и нарушая мерный ход мыслительной работы учителя.

- Что открылось тебе, племянник? – невозмутимо спросил Даниэль.

- Оказывается, тот благородный господин, о котором я давеча рассказывал тебе – никто иной, как Йони!

- Замечательно, Акива! Можно завязать узелок на конце шелковой нити и нанизать на нее первую бусину четок нашего расследования.

- Благодарю за похвалу, дядя!

- Это ты заслуживаешь благодарности. А теперь выкладывай подробности.

- Следуя твоему наставлению, дядюшка, я первым делом отыскал возницу. Однако я удержался от поспешного разговора, решив сперва набрать побольше фактов – тогда и вопросы мои станут острее.

- Мудрое решение! Разумно рассуждать – важно, а осторожно действовать – еще важнее! Излагай дальше.

- Сегодняшним утром я вновь увидел нашу парочку на том же месте. Благородный господин дождался, пока крестьянин скроется в лесу, а затем сам углубился в чащу.

- И ты последовал за ним?

- Ну, разумеется! Бесшумно и на безопасном расстоянии я ступал за человеком, покуда он не приблизился вплотную к склону холма и не скрылся за кустами. Я догадался, там вход в пещеру. Когда мой поднадзорный вышел, я рассмотрел его лицо и с упоением узнал знакомые черты!

- Тебе известно, где Йони находится сейчас?

- Он на рынке, осматривает товары прибывшего каравана.

- Отлично! Мы немедленно идем обследовать обнаруженное тобою тайное гнездилище. Не рискуя столкнуться с Йони.

***

Даниэль и Акива подошли к холму. За кустами они обнаружили замаскированный ветками вход в пещеру. Осторожно ступили вовнутрь. Акива попытался взять в руки стоявшую у входа на камне масляную лампу.

- Ничего не трогать! – скомандовал Даниэль, - пусть все вещи остаются на своих местах! Йони не должен заподозрить визит непрошенных гостей в его отсутствие.

- Темно, дядюшка! – заметил Акива.

- Все равно тебе нечем засветить лампу. Удовлетворимся полумраком. Пещера невелика, свет проникает от входа. Глаза быстро привыкнут. Начнем с обследования стен.

- Я нащупал углубление, дядя!

- Хорошо, Акива. Я различаю там нечто вроде шкатулки.

Даниэль осторожно приподнял ларчик. Чересчур большой вес предмета не соответствовал его малой величине. Даниэль слегка потряс ларец, приложив ухо к днищу.

- Принести пару камней и отбить крышку? – вызвался Акива.

- Боже сохрани! – испугался Даниэль и аккуратно вернул шкатулку в углубление стены.

- Как же узнать, что находится внутри?

- Мне ясно это и так, хоть я и не могу видеть сквозь костяные стенки ларца. Несоразмерная тяжесть выдает золото, характерный звон намекает на ограненные алмазы и изумруды. Скорее всего, Йони хранит в шкатулке драгоценности, возможно, женские украшения. Сейчас проверим!

Даниэль достал из кармана маленький металлический крючок. Вставил его в прорезь замочка, подвинул вперед, вправо, влево, прислушался и, наконец, повернул. Крышка приподнялась. Он открыл ее пошире, поднес ларец к свету, хоть и слабому.

- Гляди, Акива, я не ошибся: цепи, браслеты для рук и для ног, ожерелья, кольца – всё из золота, и дорогие самоцветы вправлены! Теперь можно снова запереть ларец и вернуть его на место.

- Каков наш следующий шаг, дядюшка?

- Мы идем на рынок – встретимся с Йони и побеседуем с ним.

- С готовностью подчиняюсь.

- Заранее распределим роли. Вопросы задавать стану я. Отвечать на них – Йони. А ты, Акива, будешь молчать, слушать и учиться.

- Хорошо, дядя, - надул губы племянник.

***

- Как я счастлив вас видеть, Даниэль и Акива, дядя и племянник, учитель и ученик! – воскликнул Йони, улыбаясь навстречу вошедшим под навес рыночной площади.

- Взаимно, Йони, - бесстрастно сказал Даниэль.

- Я так огорчен последними событиями, мне ужасно жаль Иоакима. Какое несчастье! – продолжил Йони.

- Вся община встревожена, - заметил Даниэль.

- Вы пришли для беседы со мной по сему поводу, не так ли? – спросил Йони.

- Совершенно верно, хотелось бы задать несколько вопросов, - ответил Даниэль.

- Я как раз окончил осмотр новых товаров и освободился. Прошу пожаловать ко мне домой, это близко.

Трое мужчин молча проследовали в дом неподалеку от рынка. Йони усадил гостей за стол, велел слуге принести посуду, кувшин с вином и противень со свежеспеченными лепешками. Хозяин сам наполнил кружки и разложил выпечку по мискам.

- Дай Бог, чтобы наши почтенные судьи Тевель и Юваль ошиблись, - воскликнул Йони, поднимая кружку с вином, - а ваше расследование обнаружило бы их заблуждение, - закончил он и залпом опорожнил кружку. Даниэль и Акива охотно последовали примеру хозяина.

- Мне требуется сейчас и понадобится в дальнейшем уточнять некоторые обстоятельства, касающиеся членов всего нашего круга, причем иные мои вопросы могут показаться на первый взгляд не связанными с предметом дознания - произнес Даниэль.

- Иными словами, настоящая беседа – предварительная, не так ли? – уточнил Йони.

- Совершенно верно, мы еще не раз вернемся к нашим делам, - подтвердил Даниэль, - кстати, о делах, как идет торговля, доволен ли ты прибытком, Йони?

- Слава Всевышнему, все хорошо. Мы, иудеи, любим жаловаться и, порой, без причины, но я – человек простой и прямой! – ответил Йони.

- Что ты даешь купцам в возмещение, приобретая привезенные вещицы, и каким образом расплачиваются с тобой наши покупатели? – спросил Даниэль.

- Обмен товарами – самое надежное дело, - решительно заявил Йони.

- А золотые монеты или драгоценные камни – разве не практичнее?

- Не надежно это! Не доверяю побрякушкам и не держу у себя ничего подобного!

- Стало быть, тебе необходимо иметь изрядной величины хранилище? – спросил Даниэль.

- Разумеется, - с гордостью ответил Йони, мы хоть сейчас можем пойти и поглядеть на него!

- С удовольствием! – поддержал Даниэль, - ты не возражаешь, Акива?

- Обязательно нужно посмотреть! – поддакнул Акива.

Троица оставила на столе недопитое вино в кувшине и остывающие лепешки. Молча подошли к опушке леса. Вот поваленное молнией дерево, вот знакомая Акиве тропинка. Сперва шагали той же дорогой, которая вела к пещере, потом Йони свернул в сторону. Вскоре показалось скромных размеров строение. Переступили порог. На нижних полках нетесно лежали свернутые ковры, выше – намотанные на деревянные оси дорожные ткани, на полу стояла красивая глиняная посуда, еще кое-какие товары.

- Отличные вещи у тебя, Йони, - заметил Даниэль, - однако не много их, а говорил, прибыток у тебя славный, да и хранилище представлялось нам с Акивой гораздо большего размаха.

- Так ведь это как посмотреть. Я не алчен до богатства, доволен своей долей, - возразил Йони.

- Люди говорят, что видели, как возишь ты товары ранним-ранним утром – время-то неурочное! – невзначай бросил Даниэль.

- Только коммерсант меня поймет, - грустно сказал Йони, - власти Вавилонии плохо обороняют торговцев. В час восхода разбойники крепко спят, напившись пьяными накануне вечером, вот и приходится платить вознице вдвое за работу в неудобное время, лишь бы не встретить грабителей!

- Благодарю тебя, Йони, больше вопросов не имею, - сказал Даниэль.

- Рад, если чем-то помог продвинуть дознание. Однако почудилось мне, что есть у тебя подозрение какое-то, Даниэль.

- Долг дознавателя обязывает подозревать всех, покуда не раскрыто дело. Ты умен, Йони, надеюсь, ты на меня не удержишь сердце?

- Обязуюсь содействовать во всем, - с готовностью, но отчасти уклончиво, ответил Йони, проводил Даниэля и Акиву до опушки леса и мягко попрощался с ними.

Учитель и ученик переглянулись. “Одного обманщика мы разоблачили”, - сказал Акива. “Возможно, его вранье не имеет отношения к делу Шош”, - заметил Даниэль, - однако, притворяясь, что верим лжецу, мы помогаем ему споткнуться!”

Глава 5

Сидя в своей рабочей комнате, Даниэль восстанавливал в памяти ход беседы с Йони. Слово за словом, фразу за фразой. Интонации, произвольные жесты, выражение лица – все важно для опытного дознавателя. Иной раз пауза бывает красноречивее и содержательнее обстоятельного ответа.

“Очевидно, Йони лгал нам с Акивой, - размышлял Даниэль, - однако, как я уже говорил племяннику, вранье Йони о его торговых делах навряд ли прямо относится к делу Шош. Возможно, оно имеет с ним связь косвенную, и это надлежит выяснить. Нельзя исключить также, что молодой комиссионер скрывает какие-то нечистые делишки. Если верно последнее предположение, то, стало быть, первый разговор с Йони не продвинул нас в выяснении

виновности или безвинности супруги Иоакима. Тем не менее, заметив обман, мы получили практический результат, который сослужит нам службу в скором будущем. Предугадать развязку – уже успех!”

“Думается мне, - продолжал рассуждать сам с собою Даниэль, - нельзя далее откладывать беседу с Тевелем и Ювалем. Они люди немолодые, и мне следует поторапливаться, покуда печальные события еще свежи в утомленной жизнью памяти. Чем раньше состоится разговор, тем вероятнее услышать важные для дознания сведения. Пожалуй, возьму с собой Акиву”.

***

Иудейская общественная жизнь в предместье города Ниппур, где встречаются нас события, сосредоточена в одном месте. Постройки возведены вокруг небольшого искусственного пруда, по зеленым берегам коего несколько лет назад были посажены, и уже успели подрасти стройные пальмы. На открытой солнечным лучам площади красуется щедро украшенный молельный дом. Напротив него высится большое, но старое и вопиющее о ремонте учебное здание: здесь способнейшие из юношей впитывают речи пророков. Под сенью деревьев скромно прячется вход в микву. Несколько в стороне сооружена палата суда – строение с толстыми и не пропускающими звуков внутренними и наружными стенами. В подвале имеются темницы для предварительного содержания ожидающих своей участи. В дальнем крыле расположены жилища судей – Тевеля и Юваля. Различные по назначению помещения палаты снабжены отдельными входами.

Даниэль и Акива направили свои стопы к зданию суда. Постучали в тяжелую дверь. Откликнулся служка, человек косноязычный, но явно не глухой. Жестом он указал гостям в сторону ведущих наверх ступеней. Дознаватели поднялись по лестнице и, не дожидаясь приглашения, уселись на лавки, и сразу же принялись обмахиваться предназначенными на роль вееров широкими пальмовыми ветками, напоминающими растопыренные ладони.

Тем временем, немногословный служка скрылся в полутемном коридоре. Там он заглянул во внутреннюю комнату, промычав что-то нечленораздельное, затем постучал в дверь напротив. “Кто много думает, тот мало говорит. Справедливо ли обратное?” – задался вопросом Даниэль.

Через минуту к гостям вышли Тевель и Юваль.

- Приветствуем вас, почтенные судьи! – воскликнул Даниэль.
- Мир вам, дорогие дядя и племянник, - дружно ответили Тевель и Юваль.
- Весьма сожалеем, что нарушили ваш законный послеобеденный покой! – смело вступил в разговор Акива.
- Всё происходящее в этом доме – сугубо законно! – солидно произнес Тевель.
- Какой уж там покой после случившейся беды! – с горечью бросил Юваль.
- Благодарю! С вашей помощью мы переходим к общей для всех нас теме, - сказал Даниэль.
- Эй, служка, принеси-ка на всех воды – жарко! – приказал Тевель.
- Холодной, из подпола, да кружки не забудь, краснослов! – крикнул вслед слуге Юваль.

- Итак, почтенные судьи, вы утверждаете, что Шош не верна своему законному супругу Иоакиму? – спросил Даниэль.
- Увы! – откликнулся Тевель.
- Позор! – добавил Юваль.
- Кто из вас видел собственными глазами преступное прелюбодеяние и решится подтвердить столь тяжкое обвинение? – продолжал вопрошать Даниэль.
- Нам обоим с Ювалем достался сей отвратительный жребий! – заявил Тевель.
- Мы с Тевелем – два свидетеля! – воскликнул Юваль.
- Два свидетельства – это именно то, что требуется для честного суда! – решительно вставил слово Акива, - вот вы и будете судить изменщицу!
- Согласно закону, свидетели не могут вершить суд, - снисходительно поправили молодого расследователя Тевель и Юваль.
- Когда вы удостоились видеть прегрешение Шош? – спросил Даниэль судей, а затем кинул строгий взгляд в сторону покрасневшего Акивы.
- Третьего дня, - ответил Тевель.
- В полночь, - уточнил Юваль.
- Прошу рассказать подробнее, как было дело, - попросил Даниэль.
- Я вышел из дома, и, не убоявшись значительного пути, добрал до изгороди сада Иоакима, - сказал Тевель.
- То же самое сделал и я, - поддержал Юваль.
- Полная луна висела в небе, сияли звезды, - почти пропел Тевель.
- Было светло, как днем, - придал точность словам коллеги Юваль.
- В том месте сада, где ограда снижалась и едва была нам по пояс, мы увидели, как Шош, бесстыдно распустивши волосы, направлялась навстречу незнакомой нам мужской фигуре! – воскликнули Тевель и Юваль!
- Продолжайте! – потребовал Даниэль.
- Двое обнялись, повалились на траву и ..., - замялись и, словно отроки, зарделись зрелые годами рассказчики.
- Что и...? – настаивал Даниэль.
- О, просим избавить убитых сединами старцев от пересказа мерзости, с начала и до конца виденной нашими глазами и слышанной нашими ушами! – взмолились Тевель и Юваль, - скромность и пристойность связывают языки!

- Какая сила побудила вас, людей, привычных к раннему отходу ко сну, выйти на улицу в столь поздний час, да еще прогуливаться вдали от дома? – поинтересовался Даниэль.

- Сами удивляемся, - ответил Тевель, - наверное, не спалось, возможно, захотелось вдохнуть ночной прохлады, вот и дошагали до сада Иоакима.

- Любопытное совпадение: одно и то же желание пришло к вам обоим, и при этом в один и тот же час! - заметил Даниэль.

- Пожалуй, ты прав, Даниэль, - сказал Тевель, - а мы даже не обратили внимания на такой удивительный факт. Ах, как много вещей в Небесах и на земле, досель не пробужденных нашей мудростью!

- Мне кажется, Тевель, - возразил Юваль, - ты упустил одну подробность.

- Напомни, Юваль! – встрепенулся Тевель.

- Ведь это Йони уведомил нас о преступном поведении Шош, а мы сперва не поверили ему, и тогда он назвал нам день и час, когда мы сможем убедиться сами! – внес ясность Юваль.

- Да-да! Кажется, припоминаю, - благодарно проговорил Тевель.

- Как полагают почтенные судьи, почему Йони почел необходимым сообщить им о прискорбном факте? – спросил Даниэль.

- Йони – молодой человек самых честных правил: ни с кражей, ни с разбоем не знаком, - пояснил Юваль, - ему невыносимо сознавать безнаказанность прелюбодеяния неверной жены, и он страдает обманутому мужу.

- Отчего же Йони не объявил о своем открытии сам? – поинтересовался Даниэль.

- Он сказал, что лучше это сделать нам, - ответил Тевель, радуясь, что вспомнил, наконец, обстоятельства дела, - ведь заслуженным судьям поверят непременно!

- И мы с готовностью выполнили просьбу Йони, ибо, как и он, не терпим грязи вокруг себя. К тому же, служебный долг обязывает нас возвысить голос! – отчеканил Юваль.

- Чему же нам теперь верить, Даниэль? - растерянно спросил Акива.

- Благодарю вас, достойные вершители справедливого суда, Тевель и Юваль, вы очень помогли дознанию. На несущественный вопрос моего помощника я отвечу ему наедине, не отнимая более вашего времени, - сказал Даниэль и незаметно, но весьма больно, наступил на ногу Акиве.

***

За проявленный не к месту и не ко времени интерес Даниэль крепко сердился на Акиву. “Задавать вопросы – дело тонкое, дорогой мой, - выговаривал дядя племяннику, - учись молча – больше толку будет! Я, также как и ты, предположил, что судьи могут нам лгать. Но нельзя же выдавать свои мысли! Лучше разгадать другого, чем позволить разгадать себя, не так ли, Акива?”

“Лжесвидетельство отвратительно, - продолжал поучать Даниэль, - вдвойне опасно оно, когда срывается с уст хранителей закона. Тевель и Юваль как никто понимают сие. Поэтому мы не

должны торопиться полагать их преступниками. Возможно, они невинны, только запутались слегка”.

“С другой стороны, - не унимался Даниэль, - если судьи говорят правду, дескать, это Йони настропалил их, то, нельзя исключить, что они лгут в том, будто бы наблюдали измену Шош, ибо они опираются на слова лжеца. А нет ли тут сговора? И такое возможно! В начале расследования мы не должны мешать попыткам обмана. Дознавателям на руку вранье людей. Оно поможет нам прижать их к стене. Разумеется, если будем действовать с умом. Запомни, Акива: ложь самоценна!”

Покончив с поучениями, Даниэль направился к Йони – проверить правоту судей. Понурился, Акива поплелся за учителем.

Йони подтвердил: именно он сообщил Тевелю и Ювалю о преступлении Шош. Комиссионер дал понять, что, во-первых, он как-то раз стал случайным свидетелем скверны, во-вторых, сердце его не терпит гнусности, и, в-третьих, он просил судей о помощи, ибо им-то уж безусловно поверят в почти невероятный факт.

Акива был озадачен – правда из лживых уст? А Даниэль, довольный сложным делом, покровительственно потрепал племянника по плечу: “Не вешай носа, дружище – всё разъяснится!”

Глава 6

Даниэль придерживался того солидного мнения, что успех расследования пускает корни и расцветает исключительно на почве неторопливых и неотступных размышлений дознавателя. “Думать, думать и еще раз думать – вот мой победительный девиз! – говорил себе Даниэль, - ведь даже краткие слова “да” и “нет” должны произноситься не иначе как после основательного раздумья. Я опираюсь на анализ фактов, на выдвижение нетривиальных и безжалостную проверку слишком очевидных версий, на отделение причин от вероятностей, и, наконец, на неоспоримые умозаключения”.

“Факты доставляются мне не только верными помощниками и надежными свидетелями, но и моими собственными зоркими глазами и чуткими ушами, - рассуждал Даниэль, - версии питаются плодами не знающей усталости подозрительности, здравый смысл оберегает от соблазна мнимых причин в пользу разумной вероятности, а, в довершении всего, мне становится легко на сердце от светлой песни ясных мыслей и улик!”

Авишаг тихонько постучала в дверь рабочей комнаты Даниэля. Получив благоприятный ответ, вошла. Поставила на стол поднос с привычным завтраком – два сваренных вкрутую куриных яйца, освобожденных от скорлупы заботливою женскою рукою, ломоть козьего сыра, соленые оливки и большую свежеспеченную лепешку. В одной кружке белело молоко, другая наполнилась водой. Даниэль омыл руки перед трапезой, обтер их о предусмотрительно приготовленное полотенце, перекинутое через плечо Авишаг, рассеянно поблагодарил жену и принялся сосредоточенно жевать.

Даниэль весьма серьезно относился к процедуре принятия пищи. По совету лекаря он тщательно пережевывал кушанье до образования во рту однородной массы, и, не ранее как проглотивши измельченную зубами и смоченную слюною смесь, принимался за новый кусок. Он не имел обыкновения отвлекаться от сего жизненно важного процесса на размышления о делах, какими бы значительными и срочными они ни были. В ту далеко отстоящую от наших дней древнюю эпоху не существовали ни газеты, ни телевидение, ни, Боже сохрани, интернет.

Поэтому, следует признать, Даниэлю было легче, чем современному человеку, избегать вредных привычек за обеденным столом, и он не переключал внимание на вещи, не совместимые со здоровым питанием. Каждому из нас не мешало бы приглядеться к себе во время еды!

Покончив с завтраком, Даниэль взялся за труд построения в уме плана дальнейшего расследования. Прилив сил ускорил принятие решения. “Необходимо срочно побеседовать с Шош и, возможно, с Иоакимом и Хилкией, - сказал себе Даниэль, - а вот Акиву, пожалуй, я не стану привлекать к этому этапу дознания, дабы племянник не сказал чего лишнего. Нагружу его не столь деликатной, но не менее важной работой”.

***

Даниэль подъехал на своей двухосной колеснице к дому Иоакима. Сторож приветливо открыл ворота перед другом семьи, и тот вступил на территорию имения. Прежде, чем постучать в двери особняка, Даниэль обошел его кругом и осмотрел знакомый ему сад – не из любопытства, разумеется, и, уж конечно, не от зависти к более состоятельному соседу, а исключительно вследствие привычного профессионального интереса. Мастер – всегда должник своего ремесла.

Внимание Даниэля привлек немалой величины искусственный водоем, вырытый Хилкией в подарок молодым на свадьбу. В прозрачной глубине резвились разноцветные рыбы, на поверхности плавали белые и розовые водяные лилии – несомненный намек на имя прекрасной владелицы сада. Даниэль почувствовал, как на самом дне его души шевельнулась радость за преуспевание ближнего. “Прекрасное место для купания госпожи!” – подумал Даниэль и попросил слугу доложить о себе.

- Мир тебе, дознаватель, - казенно проговорил встретивший гостя Иоаким, явно обиженный недавней бесчувственностью Даниэля.

- Мир всему народу нашему, - с государственной широтой ответил Даниэль.

- Чем мы обязаны твоему вниманию, я и супруга моя?

- Не трудно догадаться, Иоаким. Я пришел для беседы с Шошаной.

- Ты исполняешь свой долг расследователя. А мой долг мужа, хозяина и покровителя собственной жены, присутствовать при беседе.

- Это разумеется само собою! Более того, если будет на то желание твоё и Шошаны, то вы вправе пригласить ее отца Хилкию.

- Возможно, мы так и поступим.

Иоаким велел слуге вызвать Шошану. Через минуту молодая женщина послушно явилась на зов мужа. Платок скрывал волосы, шаль поверх одежды окутывала плечи, руки и ноги, темная накидка спускалась на лицо.

- Шош, - произнес Иоаким, - ты видишь перед собой известного тебе дознавателя Даниэля. Своим визитом он оказал честь нашему дому и нам, его смиренным обитателям. Гость желает беседовать с тобою. Я позволяю тебе вступить в разговор с этим мужчиной и прошу откровенно отвечать на вопросы. Я намерен присутствовать при сём. Желаешь ли ты позвать отца?

- Нет, - едва слышно проговорила Шош.

- Во время беседы мне необходимо видеть лицо Шошаны, - заметил Даниэль.

- Шош, подними накидку! – произнес Иоаким.

- Я постараюсь быть кратким в своих вопросах и рассчитываю на ясные ответы, - обратился Даниэль к Шош, - это поможет сократить время неприятного испытания.

- Мы слушаем, - сказал Иоаким.

- Шошана! Судьи Тевель и Юваль заявили, что выследили тебя в момент свершения тобою акта измены законному супругу Иоакиму. Верно ли это?

- О, нет, нет, нет! – с горячностью громко прокричала Шош, и обильные слезы оросили нежные щеки.

- Разумеется, это ложь! В лучшем случае – ошибка, - не удержался от восклицания Иоаким.

- Судьи утверждают, что видели тебя в полночный час с чужим мужчиной. Случалось ли тебе покидать стены дома в столь позднее время? – спросил Даниэль.

- Никогда! – сквозь слезы гневно воскликнула Шош.

- Иными словами, Шошана, ты считаешь обвинение Тевеля и Юваля ложным? – продолжал неугомонный дознаватель.

- Меня оговорили! – решительно заявила Шош.

- Так оно и есть! – вновь вмешался Иоаким, - не лучше ли попытаться выяснить, для чего нашим почтенным судьям понадобилась клевета?

- Благодарю тебя, Иоаким, за помощь советом, - стараясь скрыть раздражение, заметил Даниэль, - и впрямь, Шошана, приходила ли тебе на ум какая-либо догадка о причине нечестного, по вашему с мужем мнению, поступка Тевеля и Юваля?

Этот вопрос произвел необычайно сильное действие на Шош. Бедная женщина вспыхнула и залилась краской, высохшие было слезы вновь заблестели на глазах, она горько заплакала, закрыла лицо ладонями, низко опустила голову, и тело ее затрепетало от неистовых рыданий. Даниэль отвел взгляд, дожидаясь окончания бури.

- Успокойся, бедненькая, - обнял Иоаким жену за плечи и бросил суровый взгляд в сторону Даниэля.

- Я думаю, Шошане не повредит глоток-другой свежей воды! – заметил Даниэль.

- Благодарю, тебя, Даниэль, за помощь советом, - едва сдерживая досаду, процедил сквозь зубы Иоаким, и сам подал жене стакан.

- Я жду ответа на мой вопрос, - настаивал Даниэль, заметив, что Шош затихла.

- Я не могу говорить, мне стыдно! – прошептала Шош и ударилась в слезы с новой силой.

- Тебе стыдно? – вскричал Иоаким, - что это значит? Я встревожен! Будь добра, Шош, отвечай расследователю!

- В полуденную жару я со служанками выхожу в сад, - сквозь плач лепетала Шош, - они помогают мне раздеться, и я окунаюсь в прохладную воду нашего озера. Девушки держат в руках полотнища, огораживая меня со всех сторон...

- Продолжай, Шошана! – ободрил Даниэль.

- Однажды после купания, когда я уже была одета, а служанки ушли в дом, ко мне подошли Тевель и Юваль и...

- Что “и”? – вскричал Иоаким.

- Я ни в чем не виновна, милый, я не сделала ничего дурного! – кинулась Шош на шею мужу, неумно рыдая.

- Что говорили тебе Тевель и Юваль! - потребовал ответа супруг.

- Они утверждали, будто видели меня обнаженной, и страсть их возгорелась, и теперь они жаждут близости со мной...

- Судьи сказали что-нибудь еще? – с бесцеремонностью вопрошал Даниэль.

- Негодяи угрожали: если я не отдамся им, то они объявят на всю общину, что видели, как я прелюбодействую с неким мужчиной...

- И что ты сделала в ответ? – взревел Иоаким.

- О, несчастная я! Дорогой супруг, ведь сам ты слышал судебский оговор! Чем еще доказать мне честность мою? – заголосила Шош и в истой мольбе упала на лицо свое.

***

Даниэль поспешил ретироваться восвояси. Наспех простился с Иоакимом, безответно кивнул в сторону содрогающейся от рыданий спины Шош и покинул дом, где невольно запалил огонь семейной драмы и посеял, Бог знает, какие недобрые семена.

В данный момент настроение супругов явно не сулило Даниэлю получение от них еще каких-либо сообщений. Хотя, в общем-то, добытые сведения показались дознавателю информативными и полезными. Он успел перед самым уходом попросить Иоакима, чтобы прозвучавшие в устах Шошаны слова не выходили до поры до времени из стен этого дома. Разглашение породит ненужные слухи и может повредить дознанию. Иоаким сухо, но с пониманием принял просьбу.

Даниэль вернулся домой проголодавшимся. Пообедал с аппетитом, однако не слишком плотно, ибо перегруженный желудок угнетает функционирование серых клеточек. Разумеется, в те давние времена никакой лекарь, никакой пророк, ни сам Даниэль не подозревали о существовании серого вещества головного мозга. Однако из практического опыта уже тогда было известно, что слишком обильная трапеза навеивает дремоту, тормозит работу ума и притупляет остроту мысли. “Нельзя прекращать шевелить мозгами ни на мгновение. Ум обновляется размышлением!” – говорил себе дознаватель.

“Итак, - анализировал полученные сведения Даниэль, сидя в рабочей комнате и приняв любимую трудовую позу, - я столкнулся со встречными обвинениями. Тевель и Юваль уличают Шош в прелюбодеянии, а та, со своей стороны, приписывает судьям nepотpeбное поведение, попытку совращения и лжесвидетельство. Незавидное, однако, у Иоакима положение!”

“Наконец-то я получил достойное моего мастерства дело! – удовлетворенно подумал Даниэль, - есть над чем поломать голову, и это славно! Можно ли доверять этим людям? А, впрочем, какая разница – верить им или нет? Нужны тщательные проверки, улики, свидетельства незаинтересованных лиц”.

“Сдается мне, - рассуждал Даниэль, - возможны четыре исхода: первый – Тевель и Юваль клеветают на Шош, а та провозглашает истину, второй – судьи свидетельствуют подлинно, а женщина оговаривает их, третий – правда на мужских и на женских устах, и, наконец, четвертый – все лгут. Что бы ни выяснилось в результате моего дознания, неизбежно прольется кровь. Названные преступления слишком тяжелы и наказуются побитием камнями, что равносильно смертной казни”.

Даниэлю стало ясно: ему придется вновь встретиться с Тевелем и Ювалем с целью более глубокого проникновения в характер их профессиональных занятий, что, несомненно, поможет проверить искренность старцев. При этом он надеялся узнать из бесед с ними имена новых людей, от которых намеревался получить независимые свидетельства. Кроме того, Даниэлю был известен некий дознавательский прием, позволяющий в некоторых случаях недвусмысленно выявлять ложь. Нелишне послушать кое-кого из слуг в имении Иоакима.

Вновь встречаться с Шош дознавателю не хотелось. Он подумал, что неплохо бы поручить Акиве наблюдение за ней. Даниэль вспомнил, как его племянник и молодая женщина обменялись мимолетными взглядами на вечере у Иоакима. “Равенство возраста есть плодоносная нива, - думал Даниэль, - кто знает, кто знает... Пусть парень попробует себя. Разумеется, не греша против закона!”

Довольный продуктивным днем, Даниэль улегся на обтянутый кожей топчан с намерением немного соснуть, но дремота не приходила. Он догадался, что именно мешало наступлению приятных минут – жажда. Он спустился в подпол, нацедил прохладного лимонного напитка в кружку и принялся, не торопясь, опустошать ее содержимое, запивая сладкие финики.

Осуществив сию процедуру, Даниэль вернулся в рабочую комнату, вновь улегся на топчан, и на этот раз задремал. Вечером ему предстояла встреча с Акивой.

Глава 7

Разговор с недружелюбным Иоакимом и его эмоциональной супругой потребовал значительного душевного напряжения даже для такого бывалого дознавателя, каким являлся Даниэль. Любовь к творчеству есть великое утешение. Пребывая в наивысшем творческом напряжении на всем протяжении беседы и искусно направляя ее в желательное русло, он подталкивал Шош к первой же важности признанию. Возможно, к облыжному, но, нельзя исключить, что и к честному – расследование покажет. “Значимость лжи не уступает значимости правды, и не только в дознании!” – полагал Даниэль.

Вечером к Даниэлю с рабочим визитом прибыл Акива. Племянник запросто вошел в комнату к дядюшке, учитель и ученик обменялись краткими приветствиями и немедленно приступили к делу. К чему церемонии? Как говорится, всему свое время, и свой срок всякой вещи под небесами.

- Я побывал в доме Иоакима на предмет выяснения версии Шош, - сообщил Даниэль племяннику.

- Она, конечно, напрочь отвергла утверждение судей? – уверенным тоном задал вопрос Акива.

- Мало того! Шош не только отрицала свой грех, но и выдвинула встречное обвинение – дескать, Тевель и Юваль подглядывали за ней, за обнаженной, во время купания, и, распалившись в отвратительном старческом любострастии, пытались принудить бедную к совокуплению, а в случае отказа грозили ославить как прелюбодейку! В приступе своем похоть не ведает стыда.

- Вот те на! Была одна подозреваемая, а теперь их трое. Дело усложняется, однако.

- Пока сорвем цветки, ягодками полакомимся потом, - со знанием дела пообещал Даниэль.

- Без твоего мастерства задачу не решить! – подольстился Акива во искупление недавней промашки.

- Полно, дружок. Ведь мы свои же люди! Славу, мрамор и бронзу поделим поровну на двоих. Спайка – вот наш девиз. Под этим знаком победим!

- Вперед и вместе! Дай мне самую сложную работу, Даниэль!

- Рад твоему рвению, Акива, и уж приготовил тебе задание. Слушай внимательно. Чтобы оценить меру искренности Шош, нам необходимо проникнуть в душу к этой женщине. Не сомневаюсь, ты это сделаешь лучше меня, ибо владеешь ключом то ли от тяжелых ворот, то ли от легкой калитки. Ты спросишь, почему я уверен в твоём перевесе? Отвечу: во-первых, ровесничество увеличивает вероятность откровенности, а, во-вторых, ты ей интересен (я помню её взгляд в твою сторону), вот и воспользуйся своим преимуществом для общего дела! А как за него приняться – сам придумай. Коли есть ключ – поверни его!

- С радостью принимаю твое поручение, дядя!

- Вижу, глаза твои загорелись, дружок. Не увлекайся, будь осторожен. Ты понимаешь, что я имею в виду. Ни на минуту не забывай: чистота помыслов и деяний служителя закона обязана быть его первой, а, вернее, единственной натурой!

- Положись на меня, доверяй мне!

- Завтра приступай!

***

“Вот случай отличиться! – возрадовался Акива, - я удивлю учителя, я придумаю нечто новое в дознании, мой талант будет оценен. Предлог для знакомства с Шош я изобрету!”

- Мир тебе, доблестный хранитель семейного добра и добра супружеского целомудрия, - приветствовал Акива сторожа у ворот имени Иоакима.

- Я узнал тебя, Акива, - прозвучал ответ, - с чем пожаловал?

- Я вместе с Даниэлем веду известное тебе дознание. Наставник направил меня сюда для обследования ограды, водоема и сада. Будь добр, доложи обо мне Иоакиму.

- Хозяина нет. Он пребывает в Божьем доме, возносит Господу молитву о благополучном исходе дела его семьи и чести.

- Мое время ограничено, и мне необходимо, не откладывая, пройти вовнутрь.

- Не смею препятствовать, Акива. Позвать госпожу? – легкомысленно предложил страж.

- Пожалуй, пригласи. За отсутствием мужа пусть помогает жена, - внутренне ликуя, ответил Акива.

О любви с первого взгляда немало песен сложено. Она (любовь с первого взгляда) окутана мистическим туманом смутных надежд и таинственных воспарений духа. Увы, поэты в своих творениях не обессмертили страсть, что загорается со второго взгляда. Жаль. Может статься, где меньше романтики, там больше глубины и силы!

Шош, увидав впервые Акиву на субботней сходке сановитых лиц общины, не воспламенилась к нему любовью. Возможно, оттого, что под давлением обстоятельств взгляд ее был мимолетен, но память сердца сберегла замечательный образ. Мимолетность родит тайну, которую открывает время. И вот нынче молодая женщина во второй раз оказалась лицом к лицу с юношей.

Они шли вдоль ограды сада. Акива задавал вопросы, Шош отвечала что-то. Душа ее трепетала. “Я вновь увидала его, и я полюбила, - говорила себе Шош, забыв думать о долге, последствиях и прочем, - но как, однако, несправедлив мир к женщине, ведь возлюбленный не видит моего прекрасного лица, как же он ответит мне взаимностью?”

Шош уронила платочек, неловко нагнулась за ним, зацепилась за сучок, и накидка, скрывающая лик, осталась лежать на траве. Акива галантно бросился поднимать нежеланный лоскут, но Шош остановила его: “Не надо, я не хочу, чтоб ты поранился о колючки!”

Акива вперил свой взор в небесные черты, да вспомнил остережения Даниэля, и душа его заняла. “Я здесь нахожусь для дела!” – приструнил свое сердце юный дознаватель. Они продолжали осмотр сада и водоема. Иногда их плечи и локти случайно соприкасались на секунду-другую.

“Ты помогла мне, Шош, благодарю, - промолвил Акива, - но расследование мне придется продолжить при свете звезд, дабы ясно представить себе картину, якобы виденную Тевелем и Ювалем в час твоего мнимого преступления. Я справлюсь сам. Сегодня ровно в полночь я вновь явлюсь. Встану вон там, где ограда понижается – оттуда старцы следили за тобой, по их словам”.

***

В назначенный самому себе час, никем не замеченный, дознаватель приблизился к ограде сада. Послышался шорох одежды. Только Акива успел мысленно похвалить Шош за догадливость, как ощутил прикосновение к своей ладони тонкой женской кисти. “За тем холмом нас не увидят!” – прозвучал едва слышимый робкий голосок, - вот по этой тропинке надо идти, под деревьями, туда звезды не святят, - шептали уста, и увлекала рука.

- Где Иоаким? – стараясь скрыть тревогу, спросил Акива, когда оба уселись на траву.

- Трусишь? – насмешливо спросила Шош.
- Ничуть! – браво ответил расследователь.
- Муж в молельном доме. Уже давным-давно он беседует по ночам не с молодой женой, а с Господом Богом.
- Что ни делается – все к лучшему! – заметил Акива.
- Иногда. А начать жить сначала можно всегда, - сказала Шош и вплотную придвинулась к Акиве.
- Скажи мне, Шош, кто был тот человек, с которым видели тебя Тевель и Юваль?
- Ревнуешь? Не рано ли? Или уж полюбил?
- Полюбил и ревную! – не моргнув глазом заявил Акива.
- Глупец! На меня возвели напраслину. Я честная женщина и верная жена! Стыдись!
- А откуда тебе известна безопасная ночная тропа?
- В одиночестве и в тоске я брожу по ночам.
- А зачем к ограде явилась в полночь?
- Не хитри, я тоже умею. Ты же меня расследуешь, вот я и пришла!
- Жизнь учит хитрить.
- Жизнь учит любить. Ты объездил всю Вавилонию. Видал дворцы и богатство. Расскажи. С великим интересом внимать стану.

Акива говорил увлеченно. Никто из мужчин не задавал ему столько метких вопросов, как Шош. Какая благодарная слушательница! Однако он не стал рассказывать обо всем, что видел, зато смело присочинял на ходу. “Пожалуй, оставлю кое-что на следующие наши встречи, - подумал он, - лед хоть и тронулся, но время командовать парадом не пришло”.

Дознаватель по устремлению и романтик поневоле, Акива снова пытался выведать у Шош важные для себя сведения. Она решительно утверждала, что не изменяла Иоакиму и стала жертвой гнусного оговора. С другой стороны, влюбленная женщина несомненно желала новых встреч. Она пообещала Акиве когда-нибудь поведать историю своей жизни, открыть сокровенные мечты. Акива не обольщался прежде времени – обещания даются с расчетом, а выполняются соразмерно опасениям.

Расставаясь, они уговорились о следующем свидании. На прощание Шош робко поцеловала Акиву в лоб, а он позволил себе симметричный ответ. Они оба, но каждый по-своему, испытывали чувство незавершенности и лелеяли надежды на продолжение.

Акива кратко и в самых общих чертах доложил Даниэлю о содержании разговоров с Шош. Ученик удостоился похвал старшего товарища за проявленную находчивость и за успех первых самостоятельных шагов. Оба согласились в том, что конструктивный флирт необходимо

продолжить. Наставник снова напомнил питомцу о важности соблюдения границ, а про себя с сожалением подумал о безвозвратно ушедших годах.

Глава 8

Читатель, уже достаточно хорошо осведомленный о пунктуальном и щепетильно-честном характере Даниэля, ничуть не удивится решению последнего снова встретиться с судьями Тевелем и Ювалем, по их словам видевшим собственными глазами свершение Шошаной черного дела. Тщательность дознания совершенно необходима: ведь людям подавай только такие доводы, которые могут быть ими легко проверены.

Первая беседа со старцами нарисовала картину преступления крупными мазками. Теперь добросовестному расследователю требовались нюансы, которые в особенности важны в тех случаях, когда свидетельства вызывают сомнения, а Даниэль-то как раз и не был убежден в искренности Тевеля и Юваля. Достоинство сомнения состоит в том, что оно желает испытать себя.

Как говорилось выше, Даниэль умело пользовался весьма изощренным способом отделения правды от лжи. Сквозь густой туман древности не разглядеть нам лик придумщика сего метода. Нельзя исключить вероятность того, что изобретателем являлся сам Даниэль, а, возможно, наш герой только умело применял разработанный до него прием. Попутно заметим, что нет резона хвалиться способностью изобретать, ибо новаторов частенько поносят и бьют.

Пользуясь современной лексикой, можно было бы именовать стародавнюю находку “детектором лжи”, хотя политкорректнее звучит название “сепаратор адекватности”.

Поскольку Акива был мобилизован на выполнение щекотливого, рискованного и совершенно секретного задания, Даниэлю в одиночку предстояло отправиться на встречу с судьями. Это обстоятельство ничуть не смущало многоопытного дознавателя, скорее наоборот, добавляло уверенности.

***

Все знакомо Даниэлю: здание суда, тяжелая входная дверь, ведущие наверх ступени, грубо сработанные лавки в приемном помещении для посетителей, пальмовые ветки в качестве вееров. Косноязычный служака вызвал судей и, не дожидаясь дополнительного указания, принес прохладной воды из подпола и кружки не забыл.

- Мир вам, судьи израильские! – торжественно провозгласил Даниэль, приветствуя появившихся Тевеля и Юваля.

- Не заслужили мы, простые и скромные земные проводники Небесной справедливости, столь высокопарного именованья. Мир и тебе, добрый Даниэль! – ответили вместе Тевель и Юваль.

- Не удивляет вас мое желание вновь беседовать с вами?

- Мы принимаем это как должное, - ответил Тевель.

- Мы ведь, как и ты, Даниэль, варимся в котле правосудия, и потому нам очевидна необходимость досконального расследования, - вторил товарищу Юваль.

- Замечательно! Мы понимаем друг друга, а это есть самый верный залог успеха нашего общего дела, - промолвил официальный гость, - двинемся вперед тропой взаимного доверия. Мне бы хотелось услышать от вас, какого рода дела подведомственны вашему суду?

- К несчастью, преступлений чрезмерно много, и мы завалены работой. Тебе, как дознавателю, сей факт хорошо известен, - с горечью промолвил Тевель.

- И иудеи, порой, сбиваются с пути, и чужаки обижают наших, - уточнил Юваль.

- Будьте добры, почтенные судьи, приведите примеры злодейств последнего времени, - попросил Даниэль.

- Распространились в нашем краю нападения на незащищенных дев, случайно оказавшихся вне дома в неурочный час, - подумав, изрек Тевель.

- Неужто люди из общины покушаются на честь женщин? – спросил Даниэль.

- Слава Богу, наши мужчины не причастны, - объяснил Юваль, - это купцы чужеземные соблазняются красотой дочерей Израиля.

- И какую кару вы назначаете насильникам? – пожелал знать Даниэль.

- За обещание девицы сластолюбец заплатит денежное возмещение ее семье, а вдобавок к тому будет лишен детородных органов! – решительно заявил Тевель.

- Как раз сейчас два таких молодчика томятся в нашей темнице, ждут своей очереди на оскотление, - сообщил Юваль, - палач у нас один на несколько общин, вот придет он в Ниппур и приведет приговор в исполнение.

- И где же эта самая темница? – поинтересовался Даниэль.

- Да здесь же, в подвале! – воскликнул Тевель.

- А ежели интересы дознания потребуют моей встречи с негодяями, смогу ли я увидеть этих лиходеев? – осторожно спросил Даниэль.

- Покажешь стражу пропуск! – ответил Юваль и простодушно протянул Даниэлю металлический кружок с клеймом, - это разрешение на вход в подвал.

- Вы оба очень любезны, - поблагодарил Даниэль, - а теперь я бы хотел вернуться к вашему свидетельству о Шошане.

- Мне нужно немедленно отлучиться, - сказал Юваль, - покормить ужином внуков – своих и Тевеля, говори пока с ним, потом я вернусь и буду к твоим услугам.

- Он придет, а я покину тебя, чтоб уложить малышей спать, не возражаешь, Даниэль? – спросил Тевель.

- О, ваше предложение мне изумительно подходит! - обрадованно воскликнул Даниэль.

Упомянутый метод отделения правды от лжи требовал беседы с каждым из свидетелей в отдельности. Поэтому заботливость преданных дедов о малолетних внуках пришлась Даниэлю очень кстати.

***

- Итак, - начал Даниэль, оставшись с Тевелем наедине, - Йони просил вас с Ювалем пресечь возмутительное святотатство против супружеского целомудрия, совершаемое Шошаной. В этом роде были ваши слова?

- Истинная правда, Даниэль, - ответил Тевель.

- Ты и Юваль, взявшись исполнить неблагодарную, но благородную свидетельскую роль, явились в полночь к ограде сада Иоакима, дабы воочию удостовериться в неверности женщины. Так было дело?

- Точно так!

- Ты своими собственными глазами узрел, как Шошана, находясь в саду, направилась навстречу некоему мужчине. Я правильно передаю ход событий?

- Абсолютно правильно!

- В интересах расследования мне необходимо знать, с какой стороны сада появилась Шошана?

- Негодница вышла из дверей дома и, озираясь по сторонам, осторожным шагом, стараясь не производить лишнего шума, кралась к полюбовнику, - уверенно ответил Тевель.

- А не припомнишь ли ты, Тевель, как выглядел поджидавший Шошану человек?

- Отчего же? Отлично помню! Высокий, стройный, красавчик должно быть. С уверенностью не могу судить о миловидности его, ибо, хоть и светлая была ночь, а все ж лица не разглядел я. Как обнялись они, заметил, что изменщица на голову ниже.

- Хочешь что-нибудь добавить, Тевель?

- В пределах скромности я всё сказал, Даниэль. А вот и Юваль вернулся! Я покидаю вас, теперь говори с ним.

- Хорош аппетит у внуков, Юваль? - спросил Даниэль, дождавшись ухода Тевеля.

- Благодарение Всевышнему, мальцы едят на славу. Дети всегда голодны – растут! – сказал Юваль.

- Чтоб были здоровы! – воскликнул дознаватель.

- Аминь! Ты, кажется, хотел со мной говорить, Даниэль? Я готов, - заявил Юваль.

- В целях дознания мне необходимо уточнить кое-что. Начнем с известных фактов. Йони просил тебя и Тевеля убедиться самим в прелюбодеянии известной нам особы, не так ли?

- Да, подтверждаю.

- Горя желанием разоблачить виновницу и прекратить мерзость, вы с Тевелем дали согласие Йони. Я прав?

- Абсолютно прав!

- Ты и Тевель в полночь подошли к ограде сада Иоакима, дабы собственными глазами узреть совершаемое Шошаной преступление, а затем честно свидетельствовать об увиденном. Я не отклонился от истины, Юваль?

- Ты точен как всегда!

- Вы сперва заметили Шошану в саду ее дома, а потом наблюдали ее встречу с незнакомым мужчиной. Так было дело?

- Именно так.

- Заметил ли ты, Юваль, в какой части сада дожидалась свидания Шошана?

- Она показалась со стороны пруда. Должно быть там, подальше от дома, пряталась под деревьями. Завидевши любовника, с криком сладострастия бросилась к нему, предвкушая скорое наслаждение. Экая бесстыдница!

- Ты разглядел того мужчину?

- Не возможно было не обратить внимания на сей факт! Удивительное дело: такая красавица и отдалась какому-то неуклюжему толстяку! Когда обнялись распутники, увидел я, что он ниже ее на полголовы!

- У тебя есть, что добавить, Юваль?

- Нет, Даниэль. Что тут добавишь? Позор и бесчестье!

- Благодарю, тебя Юваль, и коллеге своему передавай мою благодарность. Уверен, мы скоро свидимся вновь, - сказал чрезвычайно довольный Даниэль.

***

Стемнело. Повеяло вечерней прохладой. Даниэль взобрался на свою двухосную колесницу в гражданском исполнении и, не торопясь, направил лошадей к дому.

День выдался нелегкий, но плодотворный. Основанный на раздельном опросе, метод сепарации свидетельств по признаку правды и лжи вновь подтвердил свою эффективность.

У Даниэля почти не оставалось сомнений в лживости почтенных судей Тевеля и Юваля – противоречия в их свидетельствах недвусмысленно указывали на фальшь. Теперь необходимо было хорошенько обдумать дальнейшие шаги расследования. “Сделаю это завтра с утра, - решил Даниэль, - открытие же свое буду держать в тайне до поры до времени”.

Даниэль ощутил голод. “Интересно, что приготовила на ужин дорогая супруга? – подумал он, - А какими цветами она украсила сегодня мою рабочую комнату? Определенно, я соскучился по милой Авишаг! Зачем обижать ее? Пожалуй, не возьму в дом вторую жену!” Из этого рассуждения можно заключить, что в древних цивилизациях инстинкт многобрачия был не всеислен.

Начало дня выдалось облачное, душное. Солнце скупилось на свет, но не на тепло. Случается, иной раз, такая неприветливая утренняя погода в Ниппуре. Но если на сердце у человека хорошо, то он не замечает полста оттенков серого над головой, и не сомневается в скором торжестве светила, которое непременно появится к полудню на очистившемся небе.

Даниэль восстал ото сна, и душа его полна оптимизма. Как прекрасен был последний час бодрствования накануне вечером, как изумительно походил он на лучшие мгновения начала супружества с Авишаг! Она, счастливая с утра не менее возлюбленного мужа, приготовила своему гурману, и себе заодно, исключительный завтрак.

После совместной трапезы, напомнившей обоим о прекрасных былых, но не безнадежно ушедших годах, верный долгу дознаватель уединился в рабочей комнате для продолжения трудов.

Первым делом Даниэль вспомнил об Акиве. “Не буду беспокоить честолюбивого парня, - решил наставник, - пусть без моих пресных наставлений продолжает начатое. Честолюбие – это живость и горячность, оно не замечает мелких выгод и твердо идет к крупным. У племянника достаточно здравого смысла, и он, надеюсь, не переступит красную черту. Хотя внутренний голос подсказывает мне, что граница сия давно уж сделалась мнимой”.

“Что можно сказать о сочных рассказах почтенных старцев? – думал Даниэль, - слишком уж очевидны противоречия в их свидетельствах. Волей-неволей просится на язык простой вывод: они лгуны. Пожалуй, соглашусь с Ювалем – добавить нечего, позор и бесчестье! Вот каковы наши стражи закона, изгнания вавилонского отцы, которых мы должны принять за образцы!”

“Очень сложный и даже рискованный шаг предстоит сделать мне – обвинить во лжи самих судей, - размышлял Даниэль, - тут спешить нельзя. Посему станем продвигаться по пути простонародной мудрости: не гони лошадей, да не стучи копытами. К байкам Тевеля и Юваля я должен добавить свидетельства третьих лиц”.

“Не менее важно установить достоверность обвинений Шош против ее хулителей, - продолжал рассуждать дознаватель, - если старцы оклеветали Шош, то, может показаться, будто в ее устах правда. Но это только на первый взгляд. Разве Шош не могла прибегнуть к оговору, скажем, из желания отомстить? Возможно, однако, что причина в чем-то ином. Необходимо выяснить мотивы действий каждой из сторон. Придется еще раз посетить дом славного царского советника”.

***

- Мир тебе, добрый защитник дома Иоакимова! – обратился Даниэль к сидящему у входа в сад сторожу.

- И тебе мир, знаменитый дознаватель! - приветливо ответил стражник.

- Вот, опять я тут, дела требуют новых свидетельств.

- Не повезло тебе на сей раз, Даниэль: отсутствуют и хозяин, и хозяйка. Иоаким теперь денно и ночью пропадает в молельном доме, сам знаешь почему. Шош с утра у отца обретается – примеряет новые наряды. Хилкия в утешение дочке сделал ей подарки.

- Так даже к лучшему. Мне не нужны сегодня хозяйева. Я намерен говорить с тобой и со служанками.

- Коли пришел для беседы с нами, стало быть, требуемся мы. Правильно: одной рукой и узла не завяжешь!
- Мысли твои угодны мне. А теперь ответь, дорогой, с которого по который час ты пребываешь на своем посту?
- Я нахожусь здесь с восхода и до захода солнца, а когда случаются гости по вечерам – дожидаясь, пока уйдет последний.
- А как охраняются сад и дом по ночам?
- Живу я неподалеку от хозяйского дома. Вон там, видишь, Даниэль? Во дворе у меня выстроена собачня. Хочешь взглянуть?
- Пойдем, посмотрим.
- Пред тобою лютые псы. Они несут вахту в ночное время. Окончив службу, я привожу их в сад к Иоакиму. Утром я собак возвращаю и сажаю на цепь. Не завидую смельчаку, который попытается проникнуть за ограду ночью. Днем же всякий входящий и выходящий – на моих глазах.
- А если кто из домашних пожелает ночью прогуляться по саду?
- Никто не пожелает. Да и не различат свирепые полканы – свой ли, чужой ли перед ними.
- Кто знает о том, что по ночам сад охраняется собаками?
- Кроме меня знают только хозяева и старшая служанка, которая у них в доме ночует. Иоаким никому не велел говорить. Он сказал, мол, незачем лишать доброго ночного визитера приятной неожиданности. Теперь вот и ты знаешь, но от расследователя ничего скрывать нельзя, не так ли?
- Ты сообщил важные вещи. А теперь скажи-ка мне, каким образом судьи могли подглядывать за Шош во время купания?
- Шош полощется в полдень. Служанки становятся по берегам пруда и закрывают обнаженную хозяйку от нескромных глаз. Невдомек мне, как сумели судьи увидеть ее – они никогда не бывают в саду днем. Даже если бы и появились, то не миновали бы меня, и я бы знал. А из-за ограды пруд не виден совсем. Полагаю, закрывают Шош от меня, а от кого же еще? – хохотнул сторож.
- Выходит, Тевель и Юваль не могли подглядывать? Так ты заключаешь?
- Заключай ты, Даниэль. Я говорю только то, что точно знаю или сам зрил.
- Тебе, конечно, известно, что Шош свидетельствовала, дескать, старцы домогались ее. Какие мысли родит в твоей голове такое утверждение?
- Ах, Даниэль, Даниэль! Ты, вроде, человек бывалый, дознаватель, преступников на чистую воду выводишь, а от самых верных слухов в стороне!
- Поделись со мною, с недотепой!

- Кажется, всей общине известно, что старцы наши уж несколько лет как не..., - произнес сторож вслух, а окончание фразы сообщил Даниэлю шепотом на ухо, - а если б согласилась Шош? Какой же мужчина срамиться захочет?

- Стало быть, по твоему мнению, не стали бы Тевель и Юваль предлагать Шош непотребство?

- Говорил уж я тебе, Даниэль, мнения – это по твоей части, а я – только глаза и уши.

- Да, да, верно. Не простой ты, политичный однако. Вот Иоаким последнее время всё с Богом разговаривает, не до монарших дел ему нынче. Мог бы тебя во временные советники Навуходносору рекомендовать!

- Советник из меня навряд ли вышел бы, а всякие сады царские я мог бы сторожить!

- Шучу я, дружище! Тебе – моя благодарность. А теперь кликни хозяйкиных служанок.

- Всех? Их больше десятка!

- Так много? Позови пока старшую.

***

- Мир тебе, женщина!

- Мир тебе, великий Даниэль! Страшно мне с мужчиной разговаривать.

- Я вреда тебе не сделаю, только простые вопросы задам. А ты должна отвечать честно, ничего не скрывая и не прибавляя. Помни, ложное свидетельство, и утаивание правды жестоко караются законом!

- Ой, страшно мне! Отпусти, миленький!

- Отпущу, когда расскажешь мне, что знаешь. И ничего не бойся. Правду объявить – не стыдись говорить!

- Спрашивай, Даниэль.

- Где Иоаким?

- Он последние недели всё молится, и днем и ночью из молельного дома не выходит. И сейчас он там.

- А хозяйка твоя где?

- Она с утра к Хилкие пошла, к отцу своему. Новые платья примеряет.

- Ты говоришь, что Иоаким ночами пребывает в молельном доме. А где почивает Шош? Одна в супружеской спальне?

- Нет, на такой случай у нее своя спаленка есть. Шош боится по ночам оставаться одной, поэтому я в ее комнате укладываюсь. Иоаким знает и одобряет.

- А если б она ночью вышла в сад, ты бы услышала?
- Никто ночью в сад не выходит, сторож выпускает злющих собак.
- Давай говорить о последнем месяце. Допустим, по какой-то причине Шош покинула комнату, в сени или еще куда вышла, ты бы заметила?
- В последний месяц – нет, не заметила бы.
- Почему?
- Муж мой на побывку с войны вернулся. Хочет, чтобы я с ним дома ночевала. Я привела вместо себя младшую сестру, девчонку. Шош согласилась. Но сестрица моя спит как убитая, бесполезно тебе с ней говорить, ничего не добьешься. Другие служанки живут в своих домах. Сюда являются утром, уходят вечером.
- Стало быть, ты не знаешь, покидала ли Шош спальню по ночам в последнее время?
- Не знаю.
- А ежели ночью пожар в доме случится, как домашним спастись, куда бежать? В саду ведь лютые псы!
- Слыхала я, что у хозяев есть тайный подземный ход из дома прямо за ограду сада. Где этот ход – не знаю.
- Когда Шош купается, девушки закрывают пруд полотнищами. Зачем?
- Как это зачем? Чтоб никто не подглядывал!
- Так, вроде, чужих мужчин-то в саду не бывает днем?
- Чужих не бывает, а сторож?
- А из-за ограды можно подглядеть?
- Не знаю.
- Позови девушек, пусть встанут вокруг пруда с полотнищами, а я пройдуь вокруг ограды и сам проверю.
- А меня ты отпускаешь?
- Ты можешь идти. Спасибо.

***

Даниэль обошел сад снаружи. Убедился в правоте сторожа: из-за ограды пруд глазу не доступен, и ничего углядеть нельзя. Теперь ложь старцев больше не вызывала сомнений.

“Не удивляюсь, что Тевель и Юваль так смело ввали мне, - размышлял Даниэль, - дескать, видели, как Шош прелюбодействует в саду – ведь о мохнатых ночных сторожах им ничего не было известно. А когда в доме у Иоакима на исходе субботы они оговорили Шош, то, к счастью

своему, не назвали места, где происходило мнимое святотатство – иначе хозяин сразу уличил бы их во лжи!”

“Судьи, по словам охранника, не приходят к Иоакиму днем, - продолжал рассуждать дознаватель, - а из-за ограды пруд не виден. Откуда же они могли подглядывать? Даже если бы без ведома сторожа оказались они в саду во время купания хозяйки, то сквозь полотнища ничего бы не узрели, и Шош это знает. Примем также во внимание, что проблемные старики навряд ли стали бы домогаться близости с молодой женщиной. Я все больше сомневаюсь в правдивости слов Шошаны!”

Глава 10

Самые плодотворные идеи приходили в голову к Даниэлю, когда он, наслаждаясь тишиной, размышлял, сидя в своей рабочей комнате. Этим утром ему помешали: из окна раздался гам детских голосов, который довольно скоро сменился рёвом. “Как всегда, старшие обижают младших, - подумал отец семейства, - что ж, разве я не так рос?”

На зов мужа о помощи явилась Авишаг. “Наши любимые чада чересчур расшумелись, мешают мне мыслить. Будь добра, дорогая, уйми их. Только не ищи правых и виноватых – гиблое дело. Лучше отвлеки!” – обратился Даниэль к супруге с просьбой и советом.

Многоопытная в воспитании детей Авишаг не нуждалась в такого рода подсказках. В отличие от Даниэля, она не занималась скрупулезным дознанием, не выслушивала безнадежно противоположные свидетельства обиженных и обидчиков, а сразу и по справедливости назначала равное для всех наказание. В данном случае она посулила всем нарушителям спокойствия лишиться их послеобеденной дыни. Ребятишки помирились, и, зная отходчивый характер матери, притихли в надежде на прощение.

Установилась тишина. Сквозь открытое окно слышалось успокаивающее шуршание ветвей садовых деревьев, да отдаленное щебетание птиц – дневная прибавка к предрасветному пению. Ничто более не мешало возобновлению полета мысли нашего расследователя.

“Преступление почтенных судей достаточно очевидно, - рассуждал Даниэль, - и я в скором времени без опаски смогу предъявить публике свои находки и доказательства. Но неужели и бедная Шош тоже нарушил закон? Может статься, грех ее не в том, в чем ее ложно обвинили Тевель и Ювель, а в неприглядном ином. Однако, как хотелось бы убедиться в ее правоте, как не желаю я горя Иоакиму и Хилкие! Да, я сомневаюсь в ее честности, но мои подозрения хоть и небезосновательны, но могут и не подтвердиться!”

Долг велел Даниэлю не поддаваться чувствам, но строго следовать диктату беспощадных фактов и железной логике, употребляя всю мощь серых клеточек его в высшей степени продуктивного мозга.

“Я продолжу с прежним рвением твердо и непредвзято выяснять обстоятельства дела, - говорил себе Даниэль, - и ближайший мой разговор состоится в темнице. Намереваюсь беседовать с осужденными купцами. Надеюсь получить от них новые важные сведения. Я не стану привлекать Акиву. Сам он пока не объявляется, стало быть, задачу свою до конца не решил”.

***

Даниэль достал из шкафа круглую металлическую пластинку с клеймом – любезно предоставленный Ювалем пропуск в подвальную тюрьму, и крикнул кучеру, чтоб тот запрягал

колесницу. В деловых поездках Даниэль предпочитал оставаться наедине с самим собой и правил лошадьми сам.

Предъявив охране сертификат благонадежности, Даниэль спустился вниз по каменной лестнице и оказался в довольно большой комнате с одним маленьким зарешеченным окном под потолком. В центре стоял складной стол, по противоположным сторонам которого располагались лавки. Вдоль стен тянулись одна за другой двери, снабженные тяжелыми засовами. В каждой из них был проделан сквозной проем, затянутый металлической шторкой. По обеим сторонам входа в помещение стояли вооруженные стражники.

“Я попал в комнату свиданий, - догадался Даниэль, - а двери вдоль стен ведут в камеры узников”. Объяснив служителю сего безрадостного места цель визита, Даниэль уселся на лавку и принялся дожидаться, пока к нему приведут осужденных купцов.

Наконец, одна из дверей распахнулась, и служитель бесцеремонно вытолкнул двух заросших бородой, нечесаных, худых и оборванных заключенных, закованных в кандалы. Он усадил их на лавку напротив Даниэля и бросил ему: “Вот молодчики, которые тебе нужны. Можешь говорить с ними”.

В недавнем прошлом лихие жизнерадостные хвататы, а ныне несчастнейшие из людей, они молча и недоуменно уставились на непонятого гостя. Меньше всего они ожидали, что какой-либо пришелец из внешнего мира протянет им руку помощи.

Лик отражает страдания души. Прекрасный физиономист, Даниэль тоже не торопился начинать разговор, а только внимательно разглядывал немые лица, читая по ним тайные намерения и скрытую боль. Потухший взгляд узников не ввел Даниэля в заблуждение, и он безошибочно определил, что люди эти молоды, и, кабы не стряслась с ними беда, продолжали бы знатно вкушать отраду купеческого богатства и утехи женской любви.

- Я – Даниэль, дознаватель, произвожу дополнительное расследование по вашему делу, - начал визитер, - теперь вы представьте себя.

- Меня здесь зовут “Первый” – неохотно сказал один из колодников.

- Я – “Второй”, - буркнул второй.

- Приятно познакомиться, - пытался шуткой рассеять напряжение Даниэль, - судя по разговору, вы не местные. Откуда будете?

- Мы купцы из Дамаска, возим в ваши края отменные товары, все больше драгоценные украшения, коими славен наш город. У вас много богатых покупателей, - сказал Первый.

- Живем тут подолгу, вот и язык Вавилонии немного выучили, - добавил Второй.

- В чем обвинили вас?

- Судьи ваши постановили, что я обесчестил девицу, - ответил Первый.

- И на меня тот же ярлык повесили, - посетовал Второй.

- Какую вам кару присудили?

- Во-первых, выплатить денежное возмещение семье юной девы, - сказал Первый.

- А, во-вторых, нас оскопят, - не сдержав рыданий, выдавил из себя Второй, а Первый при этих словах скорбно взвыл о горькой доле.
- Вижу, вы не согласны. С чем? С обвинением или с наказанием?
- С обвинением! – дерзко выкрикнул Первый.
- И с наказанием! – подхватил Второй.
- Хорошо, рассказывайте, как, по-вашему, было дело.
- Вечером, когда смеркалось, вышли мы со Вторым после трудового дня прогуляться, подышать ночной прохладой.
- Мы уж давненько покинули наши дома, давая отдых женам и наложницам. Им-то хорошо, а нам каково? Страдаем от любовной жажды, не так ли, Первый?
- Ты ведь нас понимаешь, Даниэль? – с надеждой спросил Первый.
- Ты ведь не такой, Даниэль, как эти старцы-судьи? – промолвил Второй.
- Не забывайте, Первый и Второй, - прикрикнул дознаватель на своих новых знакомых, - котел горшкам не товарищ! Предоставьте мне задавать вопросы.
- Извини, увлекся я, - покаялся Первый.
- Прости, исправлюсь, - пообещал Второй.
- Продолжайте излагать свою версию, - сухо сказал Даниэль.
- Прохаживаемся, значит, мы по дороге, потом свернули на узкую тропинку на опушке леса, - промолвил Первый.
- Тут видим, навстречу нам идет женщина, лица ее в сумерках не разглядели, но что молода и стройна телом – это точно. Да и наверняка красавица! - продолжил Второй.
- Заметив идущих ей навстречу двух мужчин, бедняжка испугалась и бросилась наутек. Как грациозно она бежала! Я подумал, наверное, заблудилась в темноте, ищет дорогу домой. Мне ужасно захотелось взглянуть на юницу, узреть, как прекрасен лик ее! – чувственно проговорил Первый.
- И я подумал о том же, и мне захотелось того же! – признался Второй.
- Мы кинулись за нею вслед, а она припустила еще быстрее в сторону закрытого на ночь рынка. А хуже всего – начала кричать и звать на помощь, - с горечью вспомнил Первый.
- У рыночных ворот горел масляный фонарь. Сноп слабого света упал на красавицу. Я разглядел чудесное и недостижимое – всё кудри да бантики! – с тоскою проговорил Второй.
- И пышных копна волос! – мечтательно пропел Первый.

- Рынок охраняется по ночам, - сказал Второй, - из сторожевой будки вышли на крик четверо вооруженных мечами стражей. Девушка показывала пальцем в нашу сторону, плакала и что-то быстро и непонятно говорила на вашем языке.
- Могучие охранники схватили нас, привели сюда, заперли в этой самой комнате, где мы сейчас сидим, и велели ждать до утра – до прихода судей, - сообщил Первый.
- Какой ущерб вы успели причинить женщине? – строго спросил Даниэль.
- Да ничего мы ей не причинили! – воскликнул Второй.
- Пальцем ее не коснулись, - со вздохом добавил Первый, - хоть и была она так прелестна!
- Позднее мы думали подольститься к судьям, сказали, мол, девы иудейские самые красивые в мире, уж мы-то, купцы, весь свет объездили, разбираемся кое в чем! Да, как видно, старцам тема сия неинтересна, - посетовал Второй.
- Мне тоже неинтересна. Второй раз предупреждаю: хватит фамильярничать! – вновь одернул рассказчиков Даниэль.
- ***
- “Кажется, дело сложнее, чем мне поначалу казалось, - подумал Даниэль, - послушаю, что еще поведают мне эти удалыцы”. По просьбе визитера служитель принес кувшин с прохладной водой и кружки. Трое участников беседы утолили жажду и приготовились к дальнейшему служению правосудию: один будет задавать вопросы, а двое других – отвечать на них.
- Чем порадовало вас утро после ночного ареста? – спросил Даниэль.
- Только рассвело, и до прихода судей оставалось еще несколько томительных часов, как явился к нам некий молодой парень благородного вида, ласково заговорил с нами и просил хорошенько подумать над тем, что он имеет нам сообщить, - сказал Первый.
- Он шепнул, что готов помочь нам выпутаться из неприятного положения, если мы достойно отблагодарим его. И деловито присовокупил, мол, срочно потребуйте сюда своего слугу, и пусть принесет несколько драгоценных украшений, которыми мы торгуем, и тогда наше дело в шляпе, - добавил Второй.
- Мы – люди Востока – знаем как суды судятся, да как дела делаются, и потому сразу же приняли благородное предложение. Послали за слугой, тот выполнил, что от него требовалось, и приятный молодой человек унес в холщовом мешочке наши благодарности, - продолжил Первый.
- А вскоре явились судьи и стали разбирать дело, - сказал Второй.
- Ну, а в чем нас обвинили, и какая кара нас ожидает – тебе уж известно, Даниэль, - горестно промолвил Первый.
- И это всё, что вам есть сообщить мне? – спросил Даниэль.
- Пожалуй, можно кое-что добавить, - подумавши, проговорил Второй и вопросительно взглянул на своего товарища, - ты помнишь, Первый, как однажды вечером вновь появился в этом надежном убежище наш коварный благодетель?

- Так, так, я слушаю! – напрягся Даниэль.

- На другой или на третий день после суда отвели нас зачем-то наверх, в кандалах, разумеется, и оставили в приемной комнате. А дверь, где судьи сидели, была приоткрыта... - начал Первый.

- И услышали мы знакомый голос того самого мошенника, которому давеча вручили холщовый мешочек, - перебил товарища Второй, - а разговор-то у него был с судьями, и, похоже, разгорелся там яростный спор. Донесся до нас звон золотых монет на мраморном столе.

- Тут служитель тюрьмы спохватился и быстро увел нас вниз в темницу, - сказал Первый.

- Мы заподозрили сговор, - промолвил Второй, - но, поскольку вышла ссора, стало быть, раскинули мы умом, одна сторона не довольна другой. Вот мы и подумали, а нельзя ли сыграть на этом?

- Рассудили так: а вдруг судьи честнее молодого прохвоста? И нашли способ предложить им хорошую плату взамен за справедливый пересуд, - таинственно сообщил Первый, - где есть мошенничество, там и добропорядочность непременно водится!

- Ответа пока нет, - разочарованно констатировал Второй.

- Иными словами, вы пытались подкупить судей! – грозно сказал Даниэль, но слова его не произвели устрашающего действия на людей Востока.

***

Приятный разговор дознавателя с осужденными был прерван гулким звоном гонга. “Обед!” – объявил служитель. Узники потянулись в свой каземат. Даниэль достал из сумки предусмотрительно заготовленную Авишаг провизию – лепешки, сыр, оливки. Жужа, он обдумывал вопросы, которые задаст после обеда.

Несколько ободренные скудной и не самой изысканной пищей, Первый и Второй вернулись к Даниэлю. Педантичного дознавателя интересовало всё на свете – и перепуганная преследованием девушка, и приятный молодой человек, и гипотетические интерпретации арестантов, и обрывки подслушанного ими разговора. Искушенный Даниэль знал из опыта: слово за слово, и многое проясняется.

Глава 11

Оба расследователя, дядя и племянник, чувствовали, что пора, наконец, повстречаться. Не потому, что они успели за несколько проведенных врозь дней соскучиться друг по другу – просто общее дело требовало этого. Единая цель порождает дружбу и общность двоих.

Увидев вечером Даниэля в молельном доме, Акива сообщил наставнику, что randevу с Шош принесли определенные плоды, но, к сожалению, не слишком щедрые. По мнению стажера, ночные свидания исчерпали себя. “Полезно то, что кстати, а ежели не в срок – не обратилось бы добро в порок!” – в рифму выразился Акива.

Проникшись значимостью момента, Даниэль немедленно назначил встречу на следующее утро. Учитель с удовлетворением отметил про себя образцовую выдержку ученика. Сдержанный человек совершает меньше промахов. “Умение вовремя остановиться, - рассуждал Даниэль, -

навык, чаще добываемый годами, и как славно, что Акива смолоду владеет им. Парень сознает, что и добродетель стать пороком может, когда ее неправильно приложат!” – также поэтически заключил наставник.

Акива почтительно приветствовал хозяйку дома. Старшего наследника похлопал по плечу, среднего отпрыска погладил по голове, а младшую девочку ласково ущипнул за щеку. С разрешения Авишаг дал каждому по банану. Дети прежде всего убедились в том, что фрукты у всех строго одинаковой величины, и поэтому для слез, спора и драки нет никаких видимых оснований. Затем, с напоминанием матери, сказали “спасибо”, и, знакомые с процедурой, принялись деловито сдирать кожуру.

***

Акива прошел в рабочую комнату Даниэля. Хозяин и гость скупно по-мужски обнялись, уселись напротив друг друга и приготовились работать – рассуждать, размышлять, принимать решения.

- Не находишь ли ты, дорогой племянник, что труд дознавателя – преприятнейшая штука? – спросил Даниэль.

- Дядя, я не созрел для обобщений, но признаю, что на мою долю выпали отрадные минуты, - скромно ответил Акива.

- Ты покраснел, мой юный друг!

- Влияние утренней жары.

- Слава Богу, ночи прохладные, не так ли, племянник?

- Так, дядя, - ответил Акива и, как показалось Даниэлю, покраснел еще больше.

- Меня будет интересовать деловая, а не эмоциональная сторона твоих ночных свиданий с Шош. Итак, Акива, рассказывай!

- Я прежде всего отвечу на твой немой вопрос: почему Шош захотела встречаться со мной, да еще и по ночам?

- Если это не эмоции, а факт, то я готов слушать.

- Это – эмоциональный факт. Шош полюбила меня. Она рассчитывала на взаимность, а я в интересах дела не гасил огонь ее надежд. Женщина неустрашимая, она презрела опасность.

- А была ли у Шош утилитарная цель?

- Безусловно, была, и я о ней скажу.

- Где вы сходились вместе?

- В роще, на склоне холма, что неподалеку от ее дома. Место незаметное. Я дожидался там.

- Какой дорогой она шла?

- В темное время суток через сад пройти никак нельзя – лютые собаки охраняют его. Шош знает тайный ход под землей, ведущий из дома к холму. Иоаким проводит ночи в молельном

доме, а девчонка, что ночует с госпожой, слишком крепко спит. Поэтому Шош легко ускользала из дома незамеченной.

- Отлично. Все сходится. Об этом же мне говорила старшая служанка.

- Первые наши свидания были посвящены моим рассказам о путешествии. Шош жадно слушала и вникала в подробности. Ей постыла жизнь в Ниппуре, ей хочется быть любимой, свободной и богатой.

- Она и так не бедствует, и живется ей не худо!

- Скажи я ей это, и встречи с нею прекратились бы, и я не узнал бы от нее некоторых полезных вещей.

- Что она говорила о себе?

- Шош страстно желает попасть в Египет. Она полагает, что именно там она расцветет вполне, и только на берегах Нила сбудутся ее тщеславные мечты.

- И как же Шош, мужняя жена, надеется осуществить такое предприятие? Ведь Иоаким, советник Навуходоносора по делам иудеев, в Египет не поедет! Иль что-то бесчестное замыслила твоя неустрашимая?

- Увы, Шош не доверилась мне вполне и не открыла свой задумки.

- И даже не намекала? Трудно поверить, что не приготавлилась она к практическим шагам!

- Пожалуй, что-то прозвучало.

- Вот это – другое дело. Говори, я жду!

- Шош рассказала, что владеет несметными сокровищами. И богатства этого хватило бы ей на побег в Египет и роскошную жизнь там. Вот только, по ее словам, она не знает, как ей, слабой женщине, следует поступить. Ты думаешь, Даниэль, в речах этих я мог усмотреть намек? Что, по-твоему, Шош имела в виду?

- Не “что”, а “кого”! Ты, кажется, сам говорил, что Шош в тебя влюблена!

- Ты хочешь сказать, что Шош наводила меня на мысль, будто готова бежать со мною, прихватив сокровища? – вскричал Акива.

- Уж не сожалеешь ли ты об упущенной возможности?

- Боже сохрани, дядюшка, я верен тебе, себе и нашему делу!

- Ну-ну. А не говорила ли тебе Шош, какого рода сокровищами она владеет?

- Говорила. Алмазы, изумруды и прочие драгоценные каменья. И украшений золотых немало.

- Подробности, пожалуйста!

- Это важно?

- Всё может пригодиться.

- Значит так, - начал Акива, - во-первых... - и он принялся скрупулезно описывать со слов Шош чудесные украшения, которым цены нет.

Даниэль молча и жадно слушал. На белом челе мыслителя собрались морщины, глаза заблестели, на губах появилась многозначительная улыбка – добрый знак некой догадки. Наконец, Акива завершил словесное воспроизведение ювелирных чудес, коими Шош довелось быть счастливой обладательницей. Даниэль еще некоторое время молчал и, возведя очи к потолку, фиксировал полученные сведения в регистрах своей цепкой памяти.

- Не заходила ли меж вами речь о Йони? – спросил Даниэль, без всякой, как показалось Акиве, связи с предыдущим.

- О нем мы не говорили, - ответил Акива, - однако я должен упомянуть странный случай, произошедший прошлой ночью.

- Это касается Йони?

- Именно. Как всегда, мы сидели с Шош под деревом и, нежно глядя друг на друга, услаждали наш слух приятными разговорами. Вдруг я заметил на опушке леса мужскую фигуру. Вовсю сияла луна, и я безошибочно узнал человека, подглядывавшего за нами. Это был Йони. Через несколько мгновений он растворился в ночи. Я готов поклясться, что прежде, чем исчезнуть, он узнал нас. Шош не заметила соглядатая, а я не подал виду.

- Чрезвычайно значительный факт. Хвалю твою наблюдательность, Акива!

- Эта встреча всерьез насторожила меня, и я счел необходимым сообщить тебе о ней.

- Молодец! В цепи нашего расследования большинство звеньев найдены. Я уверен, мы обнаружим недостающие. Годами выработанное чутье дознавателя подсказывает мне: теперь непременно должно произойти некое событие, и оно поможет нам поставить точку в этом интересном деле.

***

В дверь комнаты постучали. Вошла встревоженная Авишаг.

- Даниэль и Акива, у меня для вас невероятная новость, - почти прокричала Авишаг, - полагаю, происшествие касается вашего дознания!

- Так говори же, наконец! – проявил нетерпение Даниэль.

- Пропал Йони! – выпалила Авишаг.

- Откуда это известно? – взволнованно спросил Даниэль.

- Говорят! – кратко и загадочно ответила Авишаг и исчезла за дверью.

Даниэль всегда с почтением относился к факту необычайной быстроты распространения слухов в человеческом пространстве. Он убеждался в этом феномене не раз, как, например, когда получил от Авишаг сообщение о супружеской неверности Шошаны. “Мысли и действия

дознателя обязаны быть почти такими же скорыми, как стремительный полет слухов из уст в уста!” – сказал себе Даниэль.

- Акива, ты слышал новость? Немедленно отправляйся в пещеру, где Йони хранит свою шкатулку, проверь, на месте ли она! Я срочно выезжаю в дом к нашему комиссионеру, а затем попробую проследить за началом пути беглеца. Надеюсь выяснить важные вещи. Вперед, Акива! Встретимся вечером у меня.

***

Даниэль вернулся домой первым. Вскоре появился Акива. Выслушав донесение ученика, наставник торжественно провозгласил: “Акива, наше расследование практически завершено. Даю тебе последнее распоряжение. Завтра в полдень собери всех участников дела в доме Иоакима. Я доложу о результатах дознания!”

Глава 12

Итак, в полдень Даниэль намерен произнести финальную речь – апофеоз успешного труда дознания. Акива уведомил наставника: в гостиной дома царского советника соберутся Иоаким, Хилкия, Тевель, Юваль, и, разумеется, оба дознателя. Даниэль настоял на обязательном приглашении сторожа и старшей служанки, как лиц, оказавших весомую помощь в раскрытии преступлений. Да, именно преступлений, а не преступления, как могло показаться в самом начале расследования после драматического заявления судей.

Прибывший на побывку боец армии Навуходоносора, супруг старшей служанки, категорически заявил, что не допустит пребывания жены в гуще мужского собрания. Совершив успешный дипломатический ход, Акива преодолел препятствие – пригласил женщину вместе с мужем. Даниэль одобрил идею племянника, ибо полагал, что присутствие на собрании молодого сильного мужчины будет полезно.

Собравшиеся разместились по периметру расстеленного на полу роскошного ковра, уже знакомого читателю – подарок Хилкии зятю. Сели парами: Даниэль усадил возле себя Акиву, Иоаким держался тестя, Тевель и Юваль были, как всегда, неразлучны, несколько напуганная важным окружением, старшая служанка вцепилась в руку своего бесстрашного мужа-воина, и только сторож восседал в одиночестве за неимением ровни.

По понятной причине место Йони пустовало. Это обстоятельство несколько досаждало Даниэлю, однако исчезновение комиссионера помогло дознателю сделать решающие выводы, и поэтому удовлетворенность превалировала над огорчением. Печально, что Иоаким решительно возразил против присутствия Шошаны, но что поделаешь с рутинерством и домостроем древнего мира? Тем более, когда травмировано мужское самолюбие супруга!

Хилкия и Иоаким волновались. Зато Тевель и Юваль, уверенные в прочности своих позиций, пребывали в блаженной безмятежности. Гордые пребыванием в благородном обществе, сторож, старшая служанка и ее муж испытывали лихорадочное любопытство. Акива переживал возбуждение новичка. Самым спокойным казался Даниэль.

***

- Позвольте начать! - произнес Даниэль, - я предлагаю вспомнить, как в знаменательный и не слишком давний вечер на исходе субботы, в этой самой комнате, наши почтенные судьи Тевель и Юваль провозгласили во всеуслышание, что видели своими глазами прелюбодеяние Шошаны. Обвинители не назвали время и место преступления, но, указав лишь на сам факт того,

поспешно удалились. Поскольку община поручила мне дознание, то я почел своей первой обязанностью выяснить у судей, когда и где они застали женщину с чужим мужчиной.

- Я сразу заявил, что это ложь! – воскликнул Иоаким.

- А я сказал, что этого просто не может быть! – прибавил Хилкия.

- Мои верные глаза не обманывают меня! – возмутился Тевель.

- Я еще в своем уме, и не путаю людей! – сердито заметил Юваль.

- Я беседовал с нашими судьями на предмет выяснения времени и места преступления, - продолжил Даниэль, - и, по словам Тевеля и Юваля, они наблюдали злодеяние Шошаны ночью в саду ее дома. Смею заметить, что это сушая ложь. Ночью сад охраняется лютыми псами, приводимыми сторожем. И если бы встреча действительно состоялась ночью в саду, то не поздоровилось бы ни Шошане, ни ее возлюбленному. Тевель и Юваль ничего не знали о хвостатых ночных охранниках, потому уверенно обманывали меня.

- Верно! – воскликнул Иоаким, - если бы лгуны сразу сказали, что дело происходило ночью в саду, я немедленно уличил бы их во вранье. По моему распоряжению только домашние знают о собаках.

- Иными словами, названные уважаемыми судьями место и время – вымышленны, - продолжил Даниэль, - а теперь я приведу второе важное обстоятельство. Я вновь говорил с судьями, но уже с каждым в отдельности. Тевель заявил, что Шошана выскользнула из двери дома, шла крадучись, а возлюбленный ее отличался высоким ростом и стройностью. Юваль же поведал мне, будто бы Шошана появилась со стороны пруда, бежала навстречу любовнику, а тот был низок и толст. И это свидетельство людей, видевших, якобы, одно и то же! Я думаю, теперь ни у кого не возникают сомнения в предпринятой нашими законниками неуклюжей попытке оговора! Прошу Акиву и супруга старшей служанки занять места рядом с Тевелем и Ювалем и обеспечить охрану.

Помощник дознавателя и вавилонский воин с готовностью исполнили просьбу Даниэля. Старшая служанка переместилась вслед за мужем.

- Бездоказательно! – вскричал Тевель.

- Выдумка никуда не годного дознавателя! – вторил Юваль.

- Я надеюсь, что община выдвинет новых хранителей закона, более достойных. Я еще скажу о других подвигах Тевеля и Юваля. Не сомневаюсь, им предстоит отвечать перед судом, и если они повторят свои клеветнические слова, то это будет расценено как лжесвидетельство, и о последствиях пусть подумают сами! – зловеще предрек Даниэль.

Хилкия и Иоаким вскочили на ноги, обнялись, расцеловались, слезы радости текли по щекам мужчин. “Моя дочь оклеветана!” – торжествовал один. “Мою жену оговорили!” – ликовал другой. “Шошана не виновна, слава Всевышнему! Да здравствует Даниэль!” – разом вскричали оба.

Возбужденный Иоаким вызвал слугу, велел принести стол, постлать скатерть, расставить кувшины с вином и серебряные кубки. “Пусть придет Шош в скромной одежде и разольет вино, а все желающие усладят свой желудок и голову в честь мой жены!” – в порыве радости и

великодушной либеральности распорядился хозяин. Появилась Шош, закутанная с ног до головы, исполнила задуманное мужем и скрылась на женской половине дома.

Хилкия и Иоаким опорожнили полные кубки. Сторож и воин поступили так же и немедленно повторили процедуру, дабы убедительнее выглядела их солидарность с радостью отца и мужа. Старшая служанка пригубила вино. Тевель и Юваль брезгливо отвернулись. Даниэль и Акива не притронулись к напитку. “Мы на службе!” – пояснил за обоих Даниэль.

***

- Теперь, как мне кажется, - вновь заговорил Даниэль, - настало время добавить некоторые черты к образу Йони, честного комиссионера, холостого ревнителя семейных устоев, человека благочестивого и законопослушного.

Услышав сии восхваления, Тевель и Юваль насторожились и с подозрением посмотрели на Даниэля, ставшего им ненавистным. Хилкия и Иоаким уставились на дознавателя, лелея тайную мстительную надежду на беспутство праведника.

- Йони должен был бы сейчас сидеть с нами на этом прекрасном ковре, но его нет, ибо накануне он исчез! – констатировал Даниэль известным присутствующим очевидный факт.

- Я полагаю, Йони отправился в поездку по своим коммерческим делам! – подал голос сторож.

- В некотором смысле такое утверждение правильно. Как ты думаешь, дядюшка? – улыбаясь, воскликнул Акива.

- Да, именно в некотором смысле, - согласился Даниэль, - и сейчас я раскрою смысл правоты этого утверждения. В самом начале нашего дознания мой помощник Акива выяснил, что у Йони, кроме известного всем склада товаров, имеется некое секретное хранилище.

- В тайне от хозяина мы вместе с дядюшкой навестили дорогое сердцу Йони место и обнаружили там шкапулку, в которой хранились небывалой цены самоцветные камни и золотые украшения, - прибавил Акива.

- Ох уж эти иудеи! – недружелюбно пробормотал вавилонский воин, - прикипели душой к золоту и алмазам.

- Молчи и не прикасайся больше к вину! Счастье, что тебя не услышали! – прошипела старшая служанка, больно ущипнув мужа.

- Разве обладание кладом – это компрометирующий материал? – притворно недоумевая, спросил Хилкия.

- Мы живем на ранней стадии человеческой истории. У нас нет не только банковских ячеек для хранения драгоценностей, но и сами банки еще не изобретены, - с готовностью поддержал Иоаким зятя.

- Замечания Хилкии и Иоакима совершенно справедливы, - заметил Даниэль, - однако предлагаю не отвлекаться и слушать дальше. Как всем известно, достойные судьи Тевель и Юваль бросили обвинение Шошане. Однако, по их собственному признанию, эту идею подал им не кто иной, как Йони! Последний подтвердил в беседе со мной, что он действительно просил судей выступить с обличающим заявлением.

- Небезынтересно знать, Даниэль, как Тевель и Юваль объяснили свое деяние, и что ты услышал от Йони? – задал пытливый вопрос Иоаким.

- Объяснение с обеих сторон выглядело абсолютно достойным. Тевель и Юваль сообщили мне, что им стало известно от Йони, будто Шошана изменяет законному мужу, а высокие нравственные принципы комиссионера не позволяют ему мириться с оскорблением супружеской верности. Йони попросил именно судей объявить о преступлении во всеуслышание, ибо факт сей слишком неожидан для общины, и если заявление прозвучит из уст всеми уважаемых старцев, то это исключит всякие сомнения. Ту же мотивировку привел Йони. Судьи присовокупили, мол, с готовностью исполнили просьбу комиссионера, ибо, так же как и он, не терпят моральной грязи вокруг себя.

- Какая гнусность! – вскричал Хилкия, - но в чем же состоял интерес негодяев оговорить честную женщину?

- Прекрасный вопрос! Я отвечу на него чуть позже, - пообещал Даниэль, - а теперь продолжим разговор о Йони. Не далее как вчера, узнав об исчезновении нашего героя, я немедленно бросился разыскивать его следы. Как раз в этот день египетские торговцы со своим караваном направились в обратный путь на родину. Одолеваемый подозрениями, я добрался до места первой стоянки каравана на придорожном постоялом дворе. Владелец его рассказал мне, что среди египтян затесался иудей, и по описанию внешности это, без сомнения, был Йони. Хозяин добавил, что иудей пил вино всю ночь и со слезами пьяной откровенности плакался на измену возлюбленной. Он делал ей дорогие подарки и рассчитывал бежать с нею в Египет. Неблагодарная изменщица обманула его и задумала скрыться с новым любовником, прихватив с собою драгоценности.

- К словам Даниэля добавлю следующее, - произнес Акива, - вчера я наведлся в пещеру, где честный Йони устроил тайник. Я не обнаружил шкатулки с сокровищами. Следовательно, наш разочарованный в женщинах комиссионер, опасаясь, что любовница обворует его, поспешил принять превентивные меры.

- Как мерзко мне такое двоедушие! – в сердцах воскликнул Хилкия, - оговаривает порядочных женщин, а сам предается разврату, этот мнимый девственник!

- Звучит отвратительно, - присовокупил Иоаким, - однако можно ли полагаться на рассказ пьяного?

- У меня тоже возникла неуверенность, - ответил Даниэль, - и я задал вопрос хозяину постоялого двора. Тот ответил мне со знанием предмета, мол, здесь нет места сомнению, ибо народная вавилонская мудрость гласит: что у трезвого на уме, то у пьяного на языке. А народ, как известно, не ошибается!

***

Слуга принес кувшины с лимонной водой. Участники беседы утолили жажду. Посидели, помолчали, потом стали робко обмениваться мнениями. Кажется, присутствующие несколько утомились. Не так-то просто укладывать в голове вещи, которых не ждешь.

- Продолжим! – воскликнул неутомимый Даниэль, - я намерен сообщить о своих беседах с людьми, осужденными Тевелем и Ювалем. В подвале здания суда томятся в ожидании кары два иноплеменных купца. Они приговорены нашими судьями к оскотлению за нападение на девицу и попытку лишить ее чести. Страдальцы поведали мне, что как-то раз поздно вечером, прогуливаясь, заметили они идущую навстречу им молодую женщину. Завидев мужчин, та

испугалась и бросилась бежать в сторону закрытого на ночь рынка. Купцы, по их словам, последовали за нею с намерением успокоить и помочь найти дорогу домой. Не успели они приблизиться к деде, как на ее крик о помощи выросли из укрытия охранники, скрутили невезучих помощников и доставили в вышеозначенный подвал. Им велели дожидаться утра – пока не появятся судьбы.

- Я думаю, охранники поступили правильно! – профессионально заметил сторож.

- Ясное дело – правильно! – подкрепил заявление сторожа воин Навуходоносора.

- Не уводите в сторону, - строго заметил Даниэль, - лучше слушайте, что происходило дальше. С рассветом, еще до прихода Тевеля и Юваля, явился некий молодой человек, иудей, и предложил купцам походатайствовать об их освобождении, если они хорошенько отблагодарят его. Те с радостью согласились, и вскоре спаситель унес солидный куш – драгоценности, которыми торгуют купцы.

- Иноземные идолопоклонники покушаются на дочерей Израиля! – возмутился Хилкия.

- Вопиющий факт! Язычники развращают наших людей, подкупая их! – гневно воскликнул Иоаким.

- Из дальнейших признаний купцов я выяснил, - продолжил Даниэль, игнорируя последние замечания, - что ходатай оказался мошенником. Он ничем не помог купцам, и Тевель с Ювалем осудили их.

- Поделом! – выкрикнул Хилкия.

- Кривое дерево лишь топор исправит! – поддакнул Иоаким.

- Опуская подробности, - продолжил Даниэль, - сообщаю, что довелось купцам случайно подслушать один разговор. Ссорились из-за золота наши благонамеренные судьбы с упомянутым мошенником.

- Ты мелешь вздор, Даниэль! – вскричал Тевель.

- Ты изолгался, Даниэль! – солидно поддержал коллегу Юваль.

- Все уже знают, чего стоят ваши обвинения, - спокойно заметил судьям Даниэль, - а сейчас я прошу внимая! Купцы описали мне внешность молодого мошенника, и я узнал Йони! Они справедливо предположили, что существовал сговор меж судьями и мнимым ходатаем. Далее купцы пытались подкупить судей в надежде на пересуд, но Тевель и Юваль пока медлят с ответом.

- Боже мой, и этот жалкий человечико – дознаватель! – воскликнули Тевель и Юваль одновременно.

- Ежели бы Даниэль не разоблачил судей, то, глядишь, и приняли бы они купеческий бакшиш. Как заразительна языческая коррупция! – ужаснулся Иоаким.

- А Йони-то каков! Блеет овцой, а рыщет волком! – воскликнул Хилкия.

***

Даниэль смолк, давая возможность участникам собрания обсудить свалившиеся на их головы новости. После паузы расследователь продолжил свою победную речь.

- Сейчас я перехожу к самому чувствительному пункту дознания, - с пафосом воскликнул Даниэль, - и я прошу сохранять спокойствие и присутствие духа. Я намерен говорить о Шошане.

- Разве не всё ясно с моей девочкой? – встревожился Хилкия.

- Ты же сам, Даниэль, утверждал, что моя жена абсолютно чиста! – вскричал Иоаким.

- Так решили вы, Иоаким и Хилкия, - возразил Даниэль, - я же всего-навсего доказал, что она оклеветана судьями. А теперь, Иоаким, будь добр, вспомни наш общий с тобой и с Шошаной разговор. Она заявила, будто бы Тевель и Юваль подсматривали за нею в час полуденного купания в пруду. Затем, по ее словам, похоть старцев возгорелась, и они потребовали близости с нею, а в случае отказа угрожали обвинить ее в прелюбодеянии. Говорила так Шошана?

- Говорила, - мрачно признал Иоаким.

- Уважаемый царский советник! – отчеканил Даниэль, - во-первых, по свидетельству сторожа, Тевель и Юваль никогда не приходили к тебе днем и, стало быть, никак не могли подглядывать за твоей женой, находясь в саду, во-вторых, они не подсматривали из-за ограды, ибо оттуда пруд не виден, не говоря уж о том, что служанки скрывают свою госпожу полотнищами, и, наконец, в-третьих, старики не стали бы требовать от молодой женщины такой уступки, воспользоваться которой им давно уж не под силу. Следовательно, твоя супруга, Иоаким, лгала и возвела напраслину на Тевеля и Юваля. Ты знал обо всем этом, но промолчал!

- Шошана справедливо мстила, а Иоаким не предал жену. Разве и то и другое не есть человеческое, слишком человеческое? - вступился Хилкия за дочь и за зятя.

- Как неожиданно! Клевета против нас признана преступлением! – саркастически заметил Тевель.

- Какой позор на наши седины! – простонал Юваль, имея в виду другой аспект.

- Идем далее, - промолвил Даниэль, - и теперь поговорим о драгоценностях. Выяснено, что сокровища, виденные мною и Акивой в шкатулке, это те же камни и золотые украшения, которые описали мне купцы, вручившие их мошеннику Йони. Но это еще не всё. По моему поручению Акива совершал визит в этот дом для обследования ограды, пруда и сада. Ввиду твоего, Иоаким, отсутствия, ему помогала Шошана. Не будучи спрошенной, она по собственному почину поведала Акиве о своей мечте роскошно жить в Египте и присовокупила рассказ о ценностях, припрятанных для новой жизни. Она описала свой клад, и, представьте себе, то были всё те же фантастически дорогие безделушки! И последнее. Купцы нарисовали мне словесный портрет убогавшей от них девы – точная копия Шошаны!

- Какое нагромождение! Что все это означает? – вскричал Хилкия.

- Это означает, - безжалостно отозвался Даниэль, - что существовал сговор не только между Йони и судьями, но и между Йони и Шошаной! Иными словами, Шошана была соучастницей мошенничества. Она заманивала богатых торговцев в ловушку, а Йони делал то, что всем уже известно.

- Бред! – вскричал Иоаким, - Шошана не могла действовать заодно с Йони! Если у него и была сообщница, то это не Шошана! Ведь парочка промышляла в темноте. Как же моя жена могла ночью пройти через сад, охраняемый собаками?

- Жаль, что такое возражение приходится слышать именно из твоих уст, Иоаким, - заметил Даниэль, - старшая служанка сообщила мне, что твои домашние знают тайный ход из дома, минуя сад.

- Какой ужасный день! – в совершенном отчаянии промолвил Иоаким.

- Да, день не из радостных. Увы, я должен кое-что добавить, - продолжил Даниэль, - и добавка не будет приятной. Давайте мысленно вернемся к исходу субботы, когда Акива улаживал слух присутствующих рассказами о своем путешествии по Вавилону.

- Никто из собравшихся, кроме меня и Даниэля, - вступил в разговор Акива, - не заметил, как Шошана, обнося гостей виноградом и проходя мимо Йони, уронила глиняную табличку с некой надписью, которую мы с дядюшкой прочесть не успели, потому что Йони быстрым движением ноги подвинул ее к себе.

- В нашем воинстве говорят, мол, где конь валялся, там шерсть осталась! – неожиданно встрял в разговор боец Навуходносора.

- А ведь прав солдатик! – поддержал Даниэль, - ибо, как сказано в Писании, “Правда из земли произрастает, а справедливость с Небес является”. После беседы с хозяином постоянного двора я помчался в дом к Йони, перевернул все вверх дном и нашел ту самую табличку.

- Ты грамотный, Даниэль! Что вычитал? – нетерпеливо перебил сторож.

- Вот слова, вырезанные на глиняной табличке: “Ночам любви конец. Боюсь беды. Шош”. А вот и сама табличка!

- Выходит, не оговор, а истина в словах наших! – возликовал Тевель.

- Молчи, старый! Не понял, что ли? Кума, да не та! – одернул Юваль коллегу.

Воцарилась тишина. Несчастные отец и муж Шошаны сидели, понутив головы. Не ждали такой беды.

- Что будет теперь? – выдавил три слова Иоаким.

- Думаю, община назначит новых судей, - ответил Даниэль, - и тогда увидим, что будет. Мне осталось раскрыть подлинные замыслы и деяния наших героев. Попутно я отвечу на твой вопрос, Хилкия – зачем Йони и старцам понадобилось клеветать на твою дочь? Йони и Шош некоторое время были любовниками, и Шош пользовалась тайным ходом для встреч с ним. Они мошенничали заодно, обирая богатых иноземных купцов. Шош мечтала о роскошной жизни в Египте, а Йони накапливал сокровища – подарки Шошане – для совместного побега. Йони был в сговоре с Тевелем и Ювалем, и за несправедный суд платил им долей украденных богатств. Между заговорщиками произошла ссора – не сошлись в цене. Тогда хитрый комиссионер задумал избавиться от слишком жадных соратников. Он подстрекнул их оклеветать Шош, уверенный в том, что престарелые судьи не додумаются увязать между собой свидетельства. Они будут уличены во лжи, отстранены от должности, а он, Йони, освободится от мзды. Сами же судьи охотно приняли предложение Йони, намереваясь лишней раз доказать общине свою бескомпромиссность – обвинить дочь богача и жену царского советника. Йони не ошибся,

полагая старцев олухами, но он недооценил изощренности моего дознания. Невежество глупцов и самонадеянность мошенников равно губят и тех и других. И в любви незадачливого жулика тоже постигла неудача. Йони заподозрил измену Шош, и, опасаясь, что она готовится сбежать в Египет с кем либо другим, решил опередить ее и скрылся сам, прихватив с собою сокровища. Он улизнул от заслуженной кары, и в этом преуспел. Такова вкратце неблагоприятная история, случившаяся в нашем Ниппуре.

- Я думаю, пора подвести криминальный итог, не так ли, Даниэль? – спросил Акива.

- Пожалуй, пора. Мы с Акивой раскрыли бесчестные деяния Гевеля и Юваля – неправый суд, клевета и взятки; доказали связь Йони с мужней женой и его мошенничество; уличили Шошану в супружеской измене, оговоре и участии в плутовстве. Но только новый суд установит вину и наказание.

Эпилог

За туманной пеленой веков нам видны далеко не все последствия столь примечательных событий, случившихся в иудейской общине города Ниппура в далекие времена вавилонского изгнания. Тем не менее, некоторые отдельные сведения дошли до нас.

Даниэль осуществил свою мечту и стал пророком, и это, в конечном счете, самый главный исторический итог. Акива успешно овладел мастерством дознания и заменил дядюшку на сыскном поприще.

Община избрала новых достойных стражей закона, судивших Гевеля, Юваля и Шошану. Увы, время скрыло от нас решения суда. Как сложились судьбы Хилкии, Иоакима и ускользнувшего от кары Йони нам, к сожалению, тоже не известно.

По ходатайству Даниэля процесс против купцов был возобновлен. Потребовалось выдвинуть дополнительное обвинение в попытке подкупа судей. Но сия малая неприятность не омрачила той великой радости, которую испытали узники, узнав об отмене оскопления. Не исключено, что столь важное послабление вышло им благодаря стараниям того же Даниэля, обратившего внимание нового суда на то обстоятельство, что объектом преследования, возможно, мнимого, являлась женщина, лишенная моральных устоев.

И последнее, что следует отметить. Даниэлю удалось утаить от бдительного ока общественности факт незаконных свиданий племянника с мужней женой.